

Александр Надеждин

СЕВЕР – ЮГ

Заметки русского канадца
о провинциальной Америке

Монреаль - Москва 2022

Александр Данилович Надеждин

Север – Юг. Заметки

русского канадца о

провинциальной Америке

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68458558
SelfPub; 2022*

Аннотация

Этот сборник эссе разных лет объединен идеей об основополагающей роли взаимодействия двух, в прошлом основных, этнокультурных групп населения Соединенных Штатов Америки: так называемых «янки» и потомков английских «кавалеров» XVI века. Это взаимодействие, нашедшее наиболее яркое выражение в гражданской войне середины XIX столетия, до сих пор отражается в языке, бытовых особенностях, системе ценностей и политических процессах, происходящих в стране, которые автор мог наблюдать в течение восемнадцати лет благодаря регулярным командировкам в несколько мест, разбросанных с севера на юг вдоль Североамериканского континента.

Содержание

Александр Надеждин Север – Юг. Заметки русского канадца о провинциальной Америке

Этот сборник эссе разных лет объединен идеей об основополагающей роли взаимодействия двух, в прошлом основных, этнокультурных групп населения Соединенных Штатов Америки: так называемых «янки» и потомков английских «кавалеров» XVI века. Это взаимодействие, нашедшее наиболее яркое выражение в гражданской войне середины XIX столетия, до сих пор отражается в языке, бытовых особенностях, системе ценностей и политических процессах, происходящих в стране, которые автор мог наблюдать в течение восемнадцати лет благодаря регулярным командировкам в несколько мест, разбросанных с Севера на Юг вдоль Североамериканского континента.

- 1** **Бемиджи**, Миннесота,
16 тысяч жителей
- 2** **Норс-Адамс / Вильямстаун**, Массачузетс,
20 тысяч жителей
- 3** **Мадаваска**, Мэйн,
3 тысячи жителей
- 4** **Атланта**, Джорджия,
4 миллиона жителей
- 5** **Ньюбери**, Южная Каролина,
10 тысяч жителей
- 6** **Гантаун / Тупело**, Миссисипи,
14 тысяч жителей
- 7** **Накогдочес / Джефферсон**, Техас,
35 тысяч жителей
- 8** **Галвестон**, Техас,
50 тысяч жителей

Предисловие

Этот короткий сборник предлагается читателю в качестве субъективного рассказа о провинциальной Америке автором, достаточно часто посещавшим описанные места в течение восемнадцати лет (с 2000 по 2018). Крупнейшие города

США, такие, как Нью-Йорк, Бостон, Детройт или Сан-Франциско, не входят в их число, отчасти вследствие большой доли недавно попавших сюда иностранцев, отчасти благодаря специальному и несомненному эффекту культуры «вэлфера» значительно менее выраженному за городской чертой городов-гигантов, и отчасти потому, что автор не имел возможности познакомиться с их жизнью больше, чем дано заезжему визитеру. Я не особенно заботился о достоверности изложенных фактов или точности приведенных дат и цифр, и, понятно, об объективности высказанных мнений и замечаний, предпочитая попробовать передать читателю свое непосредственное восприятие американской действительности. Тексты проиллюстрированы собственными снимками автора. Подборка и последовательность текстов определялась частным мнением автора о существовании глубокого водораздела между Южными и Северными штатами в соответствии с условной границей между противоборствующими сторонами в той «единственной гражданской», сыгравшей судьбоносную роль в истории Соединенных Штатов в прошлом, настоящем, и, как кажется, важной для будущего. Исключение до некоторой степени составляет рассказ о специфически французском уголке этой огромной страны, который жил отдельной жизнью и проблемами, восходящими, по мнению автора к более старым конфликтам Европейской истории. Впрочем, и гражданская война Севера и Юга вполне укладывается в подобную схему, но об этом предо-

ставлю судить терпеливому читателю.

Читатель обратит внимание на то, что все описанные здесь места принадлежат к восточной части Соединенных Штатов, которая наиболее тесно связана с историей Американской революции середины XVIII века и Гражданской войны, произошедшей столетием позже, и поэтому представляла для автора особый интерес в свете вышесказанного.

Наконец, автор вынужден признаться, что, являясь к моменту последних президентских выборов 2020 «завзятым» сторонником «правых», он за пару лет перед этим практически перестал писать об Америке из-за невероятно быстрых изменений в контексте идей, отношений и стратификации американцев всех возрастов и социальных позиций, вызванных «революцией Трампа». Которая, будучи формально направленной на возвращение Америки к ее «великому» прошлому, на самом деле, по крайней мере на мой взгляд, была попыткой коренной ломки устоявшегося образа жизни, и, в первую очередь, преодоления существовавшей «всегда» коррупции государственных и многих корпоративных структур. Таким образом, победа реакции в ноябре 2020-го, каким-то неожиданным для автора образом, оказалась для него положительным стимулом возврата к этому материалу, обещая сделать написанное ранее опять имеющим отношение к американской повседневности, то есть выражаясь языком американского героя-супермена Дональда Трампа – к болоту.

И последнее замечание. Многие рассказы писались или дописывались в новую эпоху периодических «локдаунов» и других барьеров для традиционных коммуникаций между отдельными людьми и целыми нациями. Автор понятия не имел, кончится ли это состояние дел при его жизни или нет, и поэтому склонен смотреть на свои труды немного в ракурсе свидетельства об ушедшем времени, с вытекающими отсюда попытками наскоро записать разбегающиеся мысли и не верифицированные воспоминания. Итак, примите, как есть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СЕВЕР

Bemidji, MN

Когда в разговоре с американцем возникает температура ноль градусов, он скорее всего имеет в виду ноль по Фаренгейту, то есть – 20 (минус двадцать) по Цельсию. Это считается холодно по обе стороны канадско-американской границы. Когда же речь заходит о температурах около минус сорока, мы оба имеем в виду одну и ту же катастрофически низкую температуру, так как в этой точке на градуснике шкалы Цельсия и Фаренгейта пересекаются. И хотя от Bemidji, штат Миннесота до северного края американского континента еще три тысячи километров, температура в минус сорок градусов не такая уж редкость зимой в этих местах. Климат здесь, правда, сухой, континент-

тальный, так что для людей это терпимо, зато автомобили приходится включать на всю ночь в розетку на стене гаража для того, чтобы антифриз в радиаторе не превратился в лед.

Бемиджи – на краю Ойкумены для среднего американца, так как в лежащей к северу от границы канадской провинции Манитоба, людей можно встретить в полосе еще всего трехсот км по долготе, а далее – болота, низкорослая тайга и тундра мало обитаемой части Канады. Бемиджи – название, может быть, итальянского происхождения, подобно соседнему Бельтрами, которое точно происходит от имени итальянского графа, бывшего чуть ли не первым европейцем, добравшимся до этих мест. Почему-то мне хочется дать свободу воображению и соединить этого смельчака гипотетическим родством с достаточно известным математиком середины 19 века, Евгением Бельтрами, по сути, таким же смелым первопроходцем в области не евклидовой геометрии и математической физики. Как бы там ни было, но с конца 19-го века тут живут другие европейцы: немцы, норвежцы и шведы; последних угадываешь по неожиданно часто попадающимся девушкам с небесными чертами лица и светлыми глазами, которых нельзя позабыть человеку, хоть однажды побывавшему в Стокгольме. А бар в аэропорту столичного Миннеаполиса, в том углу, откуда идет посадка на Бемиджи-Бельтрами, называется «SKØL».

Судя по фильмам и обрывкам информации тут и там, это

были крестьяне, гонимые неурожаем и голодом в своих странах, а, может быть, грабительскими налогами; так или иначе, они выжили, вырубали тысячелетние хвойные леса (где когда-то правил славный Гайавата), разогнали индейцев и поселились в деревянных домах со всеми удобствами, но без индивидуальности (по крайней мере на беглый взгляд проезжего). Теперь здесь растут вполне адаптированные лиственные деревья, достигшие состояния коммерческой пригодности за 150 лет. От индейцев осталось изображение на главной улице (так и называется – Мэйн стрит), но об искусстве смотри дальше. Где-то за городом имеется казино, принадлежащее местному индейскому племени (им разрешается заниматься греховным бизнесом в качестве компенсации за прошлые обиды) и приносящее невероятный доход немногочисленному «коренному населению».

Из Северной Европы люди принесли привычку трудиться, жить скромно и строго следить за общественной моралью. Этот протестантский пуританизм, как, впрочем, и в Скандинавии, прекрасно работает на социализм и всеобщее равенство, которое здесь, в первую очередь, проявляется в индифферентном, на грани хамства, обслуживании в отелях и ресторанах.

Впрочем, ресторан это всего лишь комната с грубой мебелью и кассой на выходе. С другой стороны, Миннесота так же как и соседний Висконсин – центр либертарианства (не

путать с либерализмом!), Эн Ар Эй¹ (выходит еженедельная газета с предложениями купить оружие и амуницию, от узи и калашей до вальтеров и самоходок времен 2-й мировой войны) и все еще существующего общества Джона Берча. Рацистских настроений, однако нет (за отношение к евреям, пожалуй, не поручусь), но черных граждан я здесь за много лет посещений этих мест – не встречал.

Зато викинги – на каждом шагу. Эти двое бродили вдоль берега озера недалеко от истоков великой Миссисипи, а я пристроился следом, как бы снимая окружающие пейзажи.

¹ National Rifle Association

Эти ребята выглядят одновременно как иллюстрация к скандинавским мифам и как чуть-чуть выше среднего упитанные американцы, возвращенные на хамбургерах и коле. А может, у викингов был свой эквивалент кока-колы и во времена Эрика завоевателя.

Следуя за ними вдоль берега, я, наконец, наткнулся на одну из центральных фигур американской мифологии до-диснеевского периода. Этот гигантский немецкий крестьянин с голубым быком без первичных половых признаков – Пол Ба-

ньян.

Начав свою жизнь как мифический герой в устном фольклоре лесорубов на Американском Мид-Весте (ну да, тех самых, которые в течение 50-ти лет свели напроочь хвойные леса Миннесоты и Висконсина), он оказался героем детских сказок, прославляющих труд, физическую выносливость и природную доброту без секса и избыточного кровопролития – традиционные идеалы американских консерваторов «с малой буквы к».

Естественно, Дисней, последовательно занимавшийся

фильмографией американского мифа, был тут как тут, хотя его Пол так и не сумел выйти на уровень Мики-Мауса на мировом рынке мифотворчества. По-видимому, этот добрый простак не был созвучен бешеной энергичности и бессердечному обману конкурентов, предложенных Диснеем в качестве американского идеала на примере Мики-Мауса. Мне кажется, именно этот идеал оценил по достоинству И. В. Сталин, однажды заявивший, что-де «мы должны соединить американскую деловитость с большевистским напором». А я просто не могу забыть виденного однажды ночного парада Мики Мауса, устраиваемого около десяти часов вечера в летний сезон для поздних посетителей Диснейленда в Орландо, штат Флорида: сначала идут сифиды и прочие безобидные существа в газовых платицах, утыканных светящимися лампочками, потом какие-то флуоресцирующие земноводные, символизируя специфику флоридской природы, а затем и САМ Мики на движущейся платформе, с улыбкой напоминающий оскал злого демиурга, а в руках у него стеклянный шар, внутри которого бьется, ища выхода, молния.

Итак, Пол Баньян – самое заметное произведение искусства на улицах (вернее на Главной улице) Бемиджи. Через дорогу от него мы встречаем уже упомянутого индейца с удивительно знакомым салютом.

Если бы я захотел, подобно российским телеканалам, использовать этот образ в целях пропаганды, я бы стал выводить генезис его жеста из германской символики 1-й половины 20-го столетия. Но это, конечно, не так. Немцы в этих краях оторвались от событий своей прародины еще до 1-й мировой войны, а ветераны второй подались в Канаду и Юж-

ную Америку, поближе к городскому комфорту и доступной симфонической музыке.

Эти две гигантские статуи возглавляют галерею более современных произведений искусства в виде сварных конструкций и настенных росписей, украшающих довольно невыразительные постройки вдоль Мэйн стрит.

Скорее всего они – продукт творчества преподавателей и студентов местного филиала Университета Миннесоты. Вся эта культура растянута вдоль протяженного берега озера Бемиджи, которое, хотя и не самое большое озеро в окрестностях, но – самое знаменитое, поскольку оно дает начало великой Миссисипи, о чем и написано на обелиске, поставленном над истоком ручейка из озера. Миссисипи, однако, становится подлинно великой много южнее, после встречи со своим главным притоком Миссури.

При достаточно скромной местной флоре, здесь довольно богатая фауна, как на суше, так и в воде. От оленей буквально нет прохода на дороге, особенно ночью, когда они стоят группками вдоль дорожного полотна, готовые прыгнуть под колеса и сияют на тебя своими глазами, отражающими свет фар. Ну а об енотах, барсуках, лисах и кроликах и гово-

ритель нечего. В воде же водятся щуки и прочие зубастые рыбы, как говорят, до трёх метров в длину, так что купаться в озере за пределами огороженной стальной сетью полосы воды вдоль микроскопического пляжа не рекомендуется. Впрочем, купаться здесь мне было холодно.

Зимой же озеро покрывается толстым слоем льда, на котором размещается целый палаточный город рыбаков с машинами, портативными грелками и другими удобствами.

Любопытная деталь местного самоуправления: как мне

рассказал местный рыбак-любитель, человек, отошедший от своей палатки более, чем на 100 метров (300 футов), в то время как его удочка опущена в воду, подлежит штрафу за потенциально негуманное отношение к рыбе, которая может болтаться на крючке дольше, чем положено правилами хорошего отношения к животным. Сам я, конечно, закона не читал, но полагаю его вероятным в этом краю засилья «зеленых».

Зима здесь достаточно суровая и снежная. На фото красный шест, установленный на пожарном гидранте, дает представление о количестве выпадающего снега.

Население, впрочем, не унывает и помимо рыбной ловли, организует гулянья и катание на коньках на расчищенном пятачке, но, по-моему, не прибегая к избыточному потреблению алкоголя в отличие от их европейских предков. Ну а летом здесь тепло, даже жарко днем (студентки в белых тишотках, замечаю я вслед за Лимоновым) и прохладно по вечерам, когда наступает время заката и прощания с этим самодостаточным миром до следующего визита.

North Adams – Williamstown, MS

Великая американская литература была написана в разное время и в разных местах этого обширного континента, но начиналась она в сравнительно небольшой его части, называемой теперь, да и тогда, Новой Англией. И Эдгар Алан По, и Фенимор Купер (которого некоторые не слишком ценят, возможно, как я подозреваю, из-за качества переводов), и великий Натаниель Готорн, и Генри Лонгфелло, и Герман Мелвил – все они родились на рубеже XIX века (заметим, не позже тех, кто – «наше всё») на расстоянии не более пятисот километров друг от друга, там, где их отцы, в крайнем случае деды, основали первую колонию евро-

пейцев (включая, разумеется, выходцев из Великобритании) на атлантическом берегу. Да и далее, уже во второй половине XIX века, и писатели и поэты из Новой Англии (Генри Джеймс, Уолт Уитмен, Эмили Диккинсон...) были среди первых и самых значительных. Объяснения не нужны, но попадая в северо-восточную часть Америки, я испытываю чувство узнавания, благодаря той литературе, несмотря на колоссальные социальные, этнографические и цивилизационные сдвиги XX и XXI веков.

Северо-Восточная часть Америки, не то чтобы совсем на Севере, называется Новой Англией, куда приехали первые поселенцы – протестанты (давшие начало так называемой американской аристократии, под кодовым названием WASP – White Anglo-Saxon Protestant) на корабле Мейфлауэр, мужчины в черных сюртуках и бриджах и в больших круглых шляпах, и женщины в длинных платьях и чепчиках. Сначала были фермерами, строителями домов, церквей, и одноэтажных школ, сажали фруктовые деревья, которые росли не хуже, чем в оставленной Англии. Потом из них выделилась прослойка побогаче: банкиры, врачи, торговцы зерном, таможенные служащие и, конечно, адвокаты. С переменным успехом старались ужиться с индейцами или не допустить распространения на свою территорию других мигрантов, например голландцев или французов.

Из этой среды вышла американская белая косточка – голубая кровь, (а может быть, некоторые и были джентльме-

нами с самого начала), все эти Рузвельты, Адамсы, Вандербильдты, Рокафеллеры², даже Буши и Родам-Клинтонь. Городку, основанному еще до американской революции – больше 300 лет, и его этно-социальный состав мало менялся вплоть до наших дней. Так еще 100 лет назад здесь редкостью были католики, а всего 70 лет назад здесь не было евреев. Что же касается черных граждан, несмотря на начатую в 60-е годы правительством Кеннеди-Джонсона политику последовательной гомогенизации населения, их все еще редко встретишь на улицах Вильямстауна. Ну да Бог с ней – гомогенизацией, трудно предсказать, что будет дальше в свете удивительных событий последних 10ти – 15ти лет.

А между тем в городе вырос солидный колледж с выпускниками, готовыми пойти в лучшие университеты и, по окончании, занять подобающее место в американской политике, как им изначально полагалось согласно происхождению и воспитанию. Остальная Америка – страна авантюристов и иммигрантов осваивала непроходимые чащи в мидвэсте, добывала золото в Калифорнии, устанавливала законы, основанные на праве сильного на Юге, но в течение столетий признавала и избирала выходцев из старых городов Новой Англии своими конгрессменами, сенаторами, адвокатами и военачальниками. Возможно, что эта эпоха медленно приближается к своему завершению, ведь состав правительственных учреждений стал меняться уже после второй

² Так в Америке произносят это легендарное имя.

мировой войны, но Вильямстаун все еще несет на себе родовые черты пуританской элиты, о которой написано так много прекрасных книг³, что мне уже давно хочется оставить эту тему.

Со временем предприимчивые господа из бывших фермеров стали развивать промышленность (текстиль, бумага), для которой понадобились наемные рабочие из более поздних волн эмиграции, все еще выходцев из Европы. Они селились вокруг фабричных зданий, так как, не имея собственного транспорта (вплоть до 50-х годов прошлого века), ходили на работу, как и на родине, пешком. Конечно, фабрику строили не прямо в буколическом Вильямстауне, а в расположенном километрах в двадцати Норс-Адамсе, нынче городе безработных потомков рабочих этих самых фабрик. Промышленность ушла в места с более дешевой рабочей силой и меньшими налогами (Тайвань? Техас? Алабама?), а контраст между двумя городами все еще хорошо наблюдаем, проявляясь в устройстве улиц, архитектуре фасадов, в типе гостиниц и ресторанов, и в культурных заведениях неподалеку. О последних, в основном, и пойдет далее мой рассказ.

Начнем с Вильямстауна, где в какой-то момент поселился мистер Роберт Стирлинг Кларк, сын адвоката, Эдварда Кэбота Кларка, известного своей предприимчивостью и широкой взглядов. Последняя ему помогла сойтись с малообра-

³ Начиная с Хавторна и Генри Джеймса, и кончая Торнтоном Уайлдером, Сэлинджером и Чивером

зованным, но гениальным изобретателем швейной машинки «Зингер», Исааком Зингером, которому он и посоветовал запатентовать многообещающее изобретение, и, возможно, даже сформулировать суть изобретения с античной лаконичностью, а именно как иглу с ушком на остром конце⁴! Испросив за это 2/3 прав на изобретение, мистер Кларк старший заработал неслыханное состояние для себя и своего отпрыска, достаточное, чтобы построить и наполнить шедеврами мирового искусства музей среди лесов и лугов Новой Англии недалеко от центра маленького Вильямстауна. К счастью для последующих поколений, Роберт Стирлинг оказался на высоте и, полностью отказавшись от всех остальных амбиций, посвятил себя созданию музея европейского искусства. Впрочем, таких американцев во втором поколении было несколько, например филаделфиец Альберт Барнс, соперничавший с Мамонтовым и Морозовым, скупая импрессионистов, Матисса и Синьяка для своей коллекции в родном городе. Кларк, однако, решал задачу пошире, и составил весьма приличную коллекцию, покрывающую более длительный период истории европейского искусства, с работами Джованни Беллини (тот много их в свое время написал – хватило все желающим) и Фрагонара (замечательный портрет капитана гвардии, написанный, как говорит надпись под картиной, всего за пять часов).

⁴ Это описание приводят во всех лекциях по патентоведению, как пример изобретения, которое невозможно обойти.

Я хорошо запомнил светлую работу Рембрандта – портрет молодого человека в шляпе с лихо закрученными полями, сфотографировав её с посетителем в такой же шляпе, но с лицом, обращенным к картине. Это мое фото, отправленное администрации музея, было принято на ура и использовано в очередном рекламном буклете.

Музей, помещен на берегу пруда, врезанного в идеальный ландшафт Новой Англии, с лежащими на пригорке стериль-

но-чистыми коровами, и ухоженным смешанным лесом, созданным если не для живописцев позапрошлого века, то по крайней мере для фотографов-любителей века нынешнего.

В этом, респектабельно-консервативном заведении происходят важные события культурного порядка, выводящие зрителя из музейного ступора, как, например, выставка, посвященная одному из многочисленных навязчивых увлечений хулигана и мародера Пабло Пикассо искусством и лич-

ностью своих конкурентов прошлых и современных ему. В данном случае Дега с его балеринами и любителями абсента стал не только поводом к аналогичным, хотя и несколько карикатурным образам у Пикассо, но и сам в виде подглядывающего профиля попал на картинку, не только откровенной, но даже какой-то нездоровой порнографии.

Эта история нашла для меня свое продолжение через несколько лет в далеком отсюда Дюссельдорфе⁵, где выставка работ последних двух лет жизни Пикассо была до краев заполнена той же порнографией, и снова с профилем «voeuur»⁶ на правом краю картинки. Только на этот раз из болезненной она превратилась в трагическую – как прощание стареющего мужчины с сексом, а значит и с жизнью. Только в самом конце, как мне кажется, напряжение спало, и вся выставка окончилась чудным пейзажем – видом из окна на зелень и холмы Южной Франции.

А в пустующую фабрику соседнего Норс-Адамса пришла современность в виде, созданной ручным трудом⁷ студентов, выставки воплощенных идей Соломона Левита⁸ на трех эта-

⁵ Picasso. Das späte Werk, Kunstsammlung ordrhein – Westfalen, Düsseldorf in 2007

⁶ Русское слово «вуайерист» режет слух

⁷ Профсоюз текстильщиков никогда бы не разрешил этого вторжения «штрейкбрехеров», будь у него какой-либо шанс восстановить убитую конкуренцией и собственным неразумием промышленность.

⁸ Соломон знал, что такого размера работы сохранить будет трудно и просто

жах фабричного офиса, и собранный из ржавых кусков железа и другого мусора вперемешку с глиной и краской мемориал европейским морским сражениям Ансельма Кифера в бывшем складе готовой продукции.

Автор в павильоне Сола Левита

Но на территории этого текстильного комбината было еще одно здание, в котором располагалась навеки остановленная

описал их в виде технически безупречной документации для последующего воспроизведения, когда понадобится, на предоставленных стенах.

тепловая электростанция, так что вместо предметов искусства здание доверху было заполнено котлами, моторами и сплетениями труб впечатляющих размеров. Карабкаясь по узеньким стальным лестницам и, трогая холодный металл, когда-то гудевший и вибрировавший от натуги, я, в очередной раз, почувствовал правоту Марселя Дюшама, увидевшего новую (по меньшей мере равную старой) эстетику в рукотворных вещах практического назначения. Надеюсь, владельцам этого помещения не придет в голову очистить его от ржавого железа, пока, наконец, какой-нибудь будущий куратор не сообразит, что из всего этого «хлама» получается полноценный культурный объект наподобие парижского Бобура⁹ с минимальными затратами труда и денег.

Вечерело, и мы направились в город, состоявший, как казалось, практически из одного перекрестка.

⁹ Центр современного искусства Жоржа Помпиду

В самом центре его находился Макдоналдс на пьедестале в метр высотой, к которому с тротуара вели ступени. Возле этого заведения кучковались какие-то байкеры, да еще обрюзгшая тетка на колесном инвалидном кресле, толкаемая тощей девочкой унылого вида. Здесь задерживаться не хотелось. Через дорогу высилась заброшенная церковь с высоким деревянным шпилем и закрытыми стружечной плитой окнами, а в переулке вдоль ее стены – ряд одноэтажных строений, среди которых, о счастье (!), «греческая» пиццерия с, как оказалось, прекрасной пиццей из шпината и брынзы в

качестве единственных ингредиентов на сладком блине.

Выйдя оттуда, дополнительно взбодренные чашкой невыдающегося кофе, мы напрямик направились к светящейся сквозь наклеенный плакат двери нашего последнего музея за эту поездку, в котором по предварительной договоренности нас ждал статный, скромно, почти по-домашнему, одетый хозяин, мистер Даррелл Инглиш.

Его история заслуживает отдельного рассказа, а, может

и романа, но здесь речь лишь отчасти касается его личной судьбы. Достаточно сказать, что он, родившийся уже после второй мировой войны в семье профессионального антиквара и унаследовавший его бизнес, слушал в детстве рассказы двух своих дядьев, служивших во время войны в бомбардировочной авиации на европейском театре военных действий. В числе этих рассказов были и ужасы освобожденных лагерей смерти, которые эти ребята увидели сами. Впечатлительный мальчик Даррелл решил уже тогда на собрание артефактов нацистской культуры и истории, как не приносящую прибыли часть унаследованного бизнеса, чтобы затем открыть на ее основе и исключительно за свой счет комнату-музей в центре Норс-Адамса¹⁰.

Экспонаты, добытые им всякими правдами и неправдами, в основном собраны в приграничной с Канадой северной части Новой Англии, по-видимому, послужившей пристанищем человеческим осколкам воюющих масс, и, в частности, участникам Холокоста на неправой стороне.

Вот одно из первых на восточном фронте объявления по-украински о «выселении» местных евреев. Оно грозит расстрелом остальному населению не только за укрывание жертв, но и за последующие грабежи их имущества (немцы как-никак!).

¹⁰ За исключением основной улицы под ожидаемым названием Мэйн стрит (Главная улица), все улицы этого населенного пункта – длиной в один квартал с одноэтажными строениями, выстроившимися в ряд без просветов между ними.

ОБ'ЯВА

У нашій окрузі відбувається
сьогодні виселення жидів.

Всі інші люди зобов'язані споро забаронено
жидів переселювати або взагалюм способом
перешкоджувати у проведенні цієї виселення.
Наші ідуть разу зрештешю всім заборонено
і починати жидів Клякш или засилити відчув
своєю вербу.

Кого страивється на грабоні,
того розстріляють!

Кожне набування або пос-
дання жидівських майнових
предметів є забаронено.

Губернатор Галицької області
Командувач СС-В Ганс Гей

Dr. Katsmann
Виконуючий: Ганс Гей СС

Чего только здесь нет: и плетки, выдававшиеся еврейским капо в Освенциме, и мундир генерала СС Франка, губернатора оккупированной Польши, и керамическая пивная кружка-

ка с изображением трудолюбивого бауэра¹¹, пашущего на двух быках, с надписью – «можете ли вы себе представить Мойше или Шмуля, пашущими землю?», номера газеты¹² «Der Stürmer» и сувенирные блокнотики Отто Шиндлера¹³.

В общем, читайте «Благоволительницы» Джонатана Литтелля¹⁴, для того, чтобы оценить воздействие деталей на силу восприятия, достигнутую этой выставкой. Достаточно стандартно сформулировав мотивацию для своей работы – предотвратить повторение ужасов через распространение правды, на вопрос, считает ли он все это возможным в Соединенных Штатах, наш Даррелл внезапно выхватил изящный пистолетик из кармана домашних треников и заявил, что эта штука в руках простых людей и есть настоящая панацея от фашизма. Оставим эту тему каждому для собственных размышлений.

Между тем, Даррелл рассказал, как он ездил по деревням Нью-Гэмпшира и Северного Массачусетса с показом своих экспонатов и лекциями, а мне представился крытый грузовичок, пробирающийся по узким, ухабистым дорогам в просеках бесконечных лесов без единого огонька в течение многих часов, и потом, освещенные слепящими кварцевыми лампа-

¹¹ Крестьянин (нем.)

¹² Главный орган антисемитской пропаганды до 1945го года

¹³ Герой фильма Спилберга о спасении евреев успешным немецким бизнесменом, Отто Шиндлером

¹⁴ Изд. Ad Marginem, 2011

ми на потолке спортивного зала наивные школьники, знающие о тяготах примитивной жизни в американской глуши, и старающиеся себе вообразить, что можно жить намного хуже.

Мы возвращались домой в полной темноте, по дороге, освещенной нашими фарами с редкими белыми огнями встречных машин, и красными тех, что двигались в том же направлении, что и мы. Время от времени попадались маленькие скопления домов без огней в окнах, освещенные одинокими уличными фонарями, потом – снова полная темень на многие мили вокруг. Вдруг, на выхваченном свете фар пятачке, возле мусорных баков, выставленных для утреннего сбора, на меня сверкнули глаза лисы, которая, не дав среагировать, метнулась поперек дороги, и, как почти всегда это бывает, прямо под колеса. Что тут скажешь? В наших местах это происходит достаточно часто из-за обилия всяких мелких и средних животных, научившихся искать себе пропитание вблизи людских поселений, но так и не выучивших правила поведения на дорогах.

Вид раздавленной колесами лисы навсегда слился в моей памяти с достаточно страшными образами самодеятельного музея, посвященного геноциду 80-летней давности. Относитесь к этому, как хотите. Но мне бы хотелось закончить тем, что, возможно в силу моего собственного предубеждения, почти все, что было для меня интересного в этой поездке

имело непосредственные истоки в Европе: и картины в музее Кларка, и морские сражения Кифера, и выразительные остатки нацистского наваждения, и даже «греческая пицца» или голландские «буренки» на подстриженных лужайках. Когда-то я прочитал о встрече известного в недалеком прошлом лидера афроамериканского возрождения, преподавателя Джесси Джексона с радикальными студентами университета Беркли. Молодые люди стали в какой-то момент скандировать «Hey, hey! Ho, ho! Europe culture has to go!», на что преподаватель устало заметил: «Но ведь это и наша культура». Это, на мой взгляд и сейчас так, только вместо живописи и музыки, Европа экспортирует идеи справедливого общества и равноправия меньшинств при ревностном сохранении абсолютной власти элит, вытекающие из ее собственного опыта.

L'Acadie – Madawaska County, ME

Восточная половина Соединенных Штатов нестремет французскими названиями и именами собственными несмотря на то, что франкоязычные американцы составляют ничтожное меньшинство общего населения. На мой взгляд объяснение этому лежит в национальном характере: да, французы в годы и десятилетия великих географических открытий активно устремились в достижимые концы вновь открытого материка Северной Америки, следуя своему экспансионистскому инстинкту, проявившемуся еще во

времена Каролингов, когда на смену рухнувшей Западно-Римской Империи, пришел народ, находившийся с римлянами в наибольшем духовном и языковом родстве – галлы, и смешавшиеся с ними франки. Но их обычай коллективной жизни, со своей естественной иерархией вокруг «нэров» в каждой общине (иногда это были аристократы, иногда католические епископы), в большинстве разведанных мест был менее приспособлен к освоению необъятных пространств по сравнению с людьми, жившими своим умом и волей, т.е. протестантами всех оттенков из Англии, Германии и Голландии. Подобная же общинная ориентация у другого народа может, как мне кажется, служить объяснением того, почему Сибирь, завоеванная русскими примерно в то же самое время, оказалась даже к настоящему времени столь мало заселена, несмотря на колоссальные природные ресурсы.

В Соединенных Штатах одно из немногих мест, где местные говорят друг с другом по-французски, это кусочек лоскутного одеяла на Северо-Востоке США, пополам с Канадой. Народ один и граница выполняет в основном, роль работодателя для обеих частей того, что называется L'Acadie, а иногда, скорее с юмором, Republic of Madawaska по имени американской части этой, стиснутой высокими холмами долины реки Сент-Джон. Эти места были изначально заселены французами – современниками славной эпохи Людовика Четырнадцатого, и корсаров Жака Картье, чей бронзо-

вый памятник с сабелькой стоит на набережной бретонского Сан-Мало, пальцем указывая на Запад.

После его вояжей сюда приехали авантюристы, женщины легкого поведения, «дочери короля» как их тогда называли, насильно отправляя на новые земли, и миссионеры-иезуиты для обращения индейцев. Кстати, обращали они ирокезов, таких же, по сути, мигрантов, как и они, прикочевавших за пару столетий до того в эти не слишком гостеприимные земли под давлением свирепых апачей, положивших глаз на

кормившие тех пастбища бизонов в Аризоне и Монтане.

Так возникла Новая Франция (нынче провинция Квебек), которая укрепилась здесь языковыми корнями, католической верой, хозяйственностью и поощряемой церковью, плодovitостью бретонских крестьян, а уж затем, лишенная военной поддержки со стороны сибаритствующих потомков короля-Солнце, попала в подчинение к дисциплинированным и амбициозным англичанам, как раз начавшим строить свою, как они верили, величайшую империю всех времен и народов. Этот переход порой сопровождался проявлением коварства и жестокости, причем личные качества короля британцев¹⁵ в данном случае играли второстепенную роль, разве что, давши формальный повод для горькой поговорки: «Just like the British King!»¹⁶, услышанной мною однажды из уст патентного адвоката, которого во время массовых сокращений штата большой компании, заставили уволить всех его помощников в обмен на обещание сохранить его должность, но затем «освободили» и его. Интересно заметить, что, хотя испанцы (итальянцы?)¹⁷ и норвежцы (исландцы?)¹⁸ откры-

¹⁵ Джордж III, похоже был душевнобольным, что, по-видимому, сыграло какую-то роль в новой истории

¹⁶ В точности, как британский король!

¹⁷ Сам Колумб и Америго Веспуччи, и даже Джованни Каботта более известный как Джон Кэбот – открыватель Ньюфаундленда

¹⁸ Считается, что первым европейцем, достигшим Северной Америки (за 5 веков до Колумба!), был скандинав Лейф Эрикссон (Счастливец)

ли эти земли для европейской экспансии, именно французы, а затем и британцы превратили их в прямое продолжение начавшейся больше трех тысяч лет тому великой экспансии от очагов цивилизации Ближнего Востока¹⁹ в Европу, а потом, через Атлантику, на Запад, где ее представители столкнулась, наконец, на противоположном берегу нового континента со встречным потоком переселенцев из Китая, Индии и России.

Французы, насколько я понимаю, были в качестве массовых переселенцев первыми, и, захватив с собой свои традиции и элементы устоявшегося образа жизни, в самом конце XVI века поселились несколькими группами вдоль основных водных путей, ведущих из американской глубинки (т.е. Великих Озер) к Атлантическому Океану, на севере – вдоль Пролива Св. Лаврентия – выходцы из Бретани и Нормандии (в большой степени – носители раннегерманского наследия²⁰), а к югу – вдоль реки Сент-Джон (а в оригинальном французском варианте Сен-Жан) – крестьяне из при-средиземноморских провинций: Окситани и Гаскони. Последним достались плодородные земли и достаточно мирные соседи-аборигены из племени Микмак, с которыми можно бы-

¹⁹ По тем отрывочным сведениям, которые дошли до автора, и минойцы и греки приплыли в Европу из Малой Азии (нынешняя территория Турции), пока евреи ковали свою великую религию всего в паре сотен километров от этих мест

²⁰ О чем, как считают некоторые наблюдатели, свидетельствуют натуральные русые волосы и характерно коренастые фигуры многих потомственных квебекцев и по сей день.

ло обмениваться обычаями и заключать смешанные браки. Так что, пока эта территория (названная уже тогда Аккадией) не отошла к английской короне в результате европейских разборок (окончание войны за испанское наследство), их жизнь не предвещала серьезных трагедий. Подвела их наследственная связь с поселенцами из Новой Франции (нынешний Квебек) благодаря языку и (что еще важнее) католической вере, причем заводилами будущих трагических событий явились именно католические священники, присланные (засланные?) Квебекским архиепископом. Они-то, судя по всему, и втянули наших южан в войну между протестантской Британией и католической Францией, о которой читайте у Фенимора Купера. Так или иначе британский губернатор Аккадии из соображений «береженого Бог бережет» организовал быструю и достаточно жестокую этническую зачистку, посадив почти всех франкоязычных жителей на корабли и развезя их по другим колониям вдоль Атлантического побережья вплоть до Луизианы (в то время еще формально принадлежавшей Испании), со всеми вытекающими отсюда массовыми потерями жизней, имущества и, в какой-то степени, национальной идентичности.

Плодородные земли, конечно, недолго пустовали и были заселены мигрантами из Великобритании, в основном кельтского, и, соответственно, католического корня. Через несколько десятилетий потомкам высланных позволили вернуться, и они, благополучно смешавшись с жившими там

новоселами из Великобритании, образовали новую, в основном франкоговорящую группу, тесно связанную католической традицией, архаическими представлениями, и родственными, чуть ли не кровосмесительными узами. В этой связи мне было интересно отметить, что в поселке Мадавака, что на южном берегу Сент-Джона, почти все магазинчики, заправочные станции и другие бытовые заведения носят ирландское имя Мартин, при этом все как один, жители говорят по-английски с естественным для них псевдо-французским акцентом. Между собой многие говорят по-французски, хотя не могу поручиться, что заезжий француз их легко поймет.

Не могу сказать, поубавилась ли у местного населения традиционная «галльская заносчивость», но, насколько я мог судить, они не считают себя одним народом с франкоязычным населением Квебека (с характерной для последних своеобразной комбинацией комплекса неполноценности и превосходства по отношению к англофонам и новым иммигрантам). Так в вялотекущем стремлении коренных квебекцев обрести государственность с помощью очередного референдума по отделению Квебека от Канады, мои знакомые обитатели граничащей с Квебеком Аккадии, начали всерьез подумывать об эмиграции в Штаты на случай раздела.

Забавным был эпизод остановки меня местным полицейским, когда я переехал по деревянному мостику из Канады в США, и не учел, что скорость машины нужно согласовывать

с местными знаками в милях. Наклонившись ко мне через открытое водительское окно, он обратился ко мне по-французски, и, когда я честно признался, что плохо его понимаю, так обрадовался водителю с квебекскими номерами, не говорящему по-французски, что простил мне мое небольшое нарушение и пожелал счастливой дороги! Одна из немногих вещей, которые, как мне кажется, идейно объединяет две группы, это поклонение общему католическому авторитету Св. Иоанна Крестителя, чей день является национальным праздником для всех франкофонов в Северной Америке, да и, пожалуй, всех католиков. В один из моих приездов в Нью-Орлеан (одно из мест; куда депортировали аккадцев, и где французское влияние на язык и быт населения до сих пор ощущается), я увидел огромное панно на стене многоэтажного дома в центре города, сооруженное силами местных заключенных по эскизу и, возможно, под личным наблюдением Сальвадора Дали. Фотографии у меня нет, да и на интернете мне не удалось найти эту роспись, изображающую скелетообразного Св. Иоанна Баптиста, благословляющего костлявыми пальцами новый материк. Через пару лет панно исчезло без следа вместе с многоэтажным гаражом, на глухой стене которого оно тогда красовалось.

Здесь мне хочется остановиться на одной стороне моего личного североамериканского опыта: будучи с самого детства городским жителем с небольшими летними заездами на дачу или в провинциальный Чернигов, я здесь лицом к ли-

цу столкнулся с абсолютно деревенским по выбору образом жизни людей, с которыми мне приходилось общаться по работе. Жизнь эта включает всевозможные удобства, начиная от кабельного телевиденья и возможности поужинать в местном ресторане с «живой» музыкой и кончая двумя-тремя автомобилями, стоящими в гараже или, чаще всего, на асфальтовом покрытии перед домом, причем один из них – вездеход для поездок на рыбалку-охоту или за стройматериалами для улучшения дома. Важно в данном случае то, что в таких поселениях, несмотря на мобильность, люди обычно знакомы с большинством соседей и, конечно, вовлечены в общее дело, будь то школьный совет, волонтерская пожарная команда или, на худой конец, церковь.

В Аккадии, по обе стороны канадско-американской границы, эта жизнь имеет особенности. Ну, во-первых, огромный по американским масштабам и активно посещаемый католический собор с приличными традиционными витражами на окнах и прекрасными цветными барельефами страстей господних известного впоследствии художника Жорди Бонета²¹.

²¹ Португалец, художник-керамист, переехавший в Канаду и нашедший здесь свой отличительный стиль – рисовать картины на полу-застывших цементных плитах

Во-вторых, хорошо заметная иерархия жителей и пиетет к людям (пэрам, как их называют французы), находящимся в положении работодателей для большинства населения, в-третьих – активное неприятие «выскочек», то есть людей, разбогатевших на глазах у своих сверстников вследствие своей предприимчивости – весьма «европейская» черточка на фоне принципиально эгалитарной и приватной жизни большинства американцев. Это замечание хочется продолжить тем, что в соответствии с классовой теорией, основанной на присутствии зависти в психологическом фенотипе²², профсоюзы в этих местах – одни из самых ортодоксальных, то есть смело ведущих компании к разорению и банкротству. Справедливо заметить, что в соседнем Квебеке, где рабочий класс тоже традиционно организован в профсоюз

²² Гипотеза автора

зы²³, особенно в государственном секторе, они проявляют известную гибкость, оставляя бизнесу и населению возможность перевести дух. По мнению автора, эта черта – результат длительно насаждаемого в Квебеке чувства национального единства, приводящего к солидарности между различными слоями общества, подобно тому, которую испытывало большинство немцев в годы нацистского правления.

В Аккадии не так. Здесь культурные травмы, связанные с изгнанием и последующей реабсорбцией франкоязычной части населения на правах граждан второго сорта (по крайней мере тогда) до сих пор доминируют в социальном сознании описываемой группы людей, не позволяя им объединиться на более позитивной основе самодостаточного национального образования. Эти мысли пришли мне в голову благодаря совместной поездке по делам в Шотландию с коллегой, талантливым инженером и одновременно – убежденным квебекским националистом. Совмещая бизнес с каким-никаким туризмом, мы, в оставшееся перед трансатлантическим перелетом время, отправились во многочасовую пешую прогулку по историческому центру Эдинбурга, где буквально на каждом шагу ты встречаешь монументы, чаще всего в форме фигур шотландских солдат в кильтах и беретах с помпонами, поставленные не отдельным героям, а целым полкам, павшим на всех континентах в завоевательных войнах Бри-

²³ За небольшим числом исключений профсоюзы – чистый атавизм уходящего стиля в частном бизнесе Северной Америки.

танской короны.

Памятники в центре Эдинбурга

Грустное зрелище, если вдуматься, но мой приятель пошел дальше. Он разразился гневной тирадой, осуждающей чрезмерную привязанность шотландцев к деталям своей трагической истории войн в интересах доминирующей нации, таким образом растравляя раны и обиды прошлого, вместо того, чтобы вырабатывать в себе позитивный взгляд на будущее, основанный на реальных (например присутствие запасов нефти в прибрежных водах и природную предприимчивость шотландцев) или воображаемых преимуще-

ствах существования Шотландии, как отдельной нации. Надо сказать, что несмотря на возможную разницу в подходах, ни два квебекских ни сравнительно недавно прошедший шотландский референдум, посвященные достижению независимости соответствующими народами, не увенчались успехом. Глядя с моей колокольни, позволю себе пожелать им успехов, но не при моей жизни, «not on my watch», так сказать...

Как часто бывает у людей, живших на какой-то территории в течение многих поколений, отличия в диете от окружающих национальных групп составляют одну из основ национальной гордости, возможно, и некоторого чувства превосходства²⁴. Здесь традиционно едят блины «ploy» из гречишной муки, вареную кукурузу²⁵, доставшуюся им от микмакских предков и морских гадов, в основном так называемых лобстеров (Homard по-французски), т.е. морских раков невероятного размера (2 кг и более!). Сейчас-то последние стали желанным деликатесом по всей Канаде и Америке, но было время, когда этих членистоногих англичане считали непригодными в пищу нормальным людям и корми-

²⁴ Это явление, я наблюдал в разных странах, чаще всего у мужчин «попроше»: так в центре Стамбула случайно разговоровившийся со мной местный житель исключительно гордился своими греческими корнями, которые не позволяют ему доедать на завтра остатки сегодняшнего обеда, в отличие от «турок».

²⁵ Кукуруза здесь твердых сортов, и довольно грубая, как у румын или хорватов, в отличие от нежной и быстро-приготавливаемой кукурузы в других частях Америки.

ли ими заключенных. На крайнем юге США, в Луизиане, и тоже ассоциированные с потомками аккадцев (а по-местному «Cajun people»), популярны мелкие пресноводные раки под названием «crawfish», которых добывают в мутной воде дельты реки Миссисипи, и готовят методом горячего копчения с убийственной концентрацией перца.

Потом их мясом начиняют хлеб, и вкуснее этого блюда я Вам, сеньоры, не назову!²⁶ Тут я просто не могу не упомянуть супа «гамбо» (gumbo), знакомого, наверное, любому американцу если и не по вкусу, то по навязшей в зубах песне кантри-стиля «Джамбулайя», которую исполняют не только со специфически южным выговором, но и с характерными искажениями английского на аккадийский манер. Гамбо-суп Википедия без колебаний производит от созвучных слов из африканских диалектов²⁷ для обозначения окры и других наполнителей, часто добавляемых в суп после 3-часовой варки рыбы и курятины на медленном огне.

Но Вики не указ эссеисту, да и окру далеко не всегда добавляют в гамбо, который, например в районе Хьюстона, штат Техас, скорее смахивает на буйабес (имеющий вид глиняной суспензии и перевозносимый французами в качестве образцового рыбного супа, но, конечно, в подметки не го-

²⁶ Искаженная цитата из Эдуарда Хиля

²⁷ In the [Niger–Congo languages](#) spoken by many [enslaved](#) people from West Africa, the vegetable okra was known as *ki ngombo* or *quingombo*; the word is akin to the [Umbundu](#) *ochinggômbô* and the [Tshiluba](#) *chinggômbô* "okra

дящийся нашей ухе, приготовленной на прозрачном бульоне и безо всяких перемолотых морских гадов²⁸). Так почему же нам не допустить, что гамбо происходит от Гамбринуса, или Гамбривиуса, легендарного предка древних германцев, принесшего в северные страны радость пива, и наверняка – интересной еды из своих средиземноморских набегов. И как насчет славного города Гамбурга или, скажем, старинного города Комбраи²⁹ вместо злосчастной окры в качестве лингвистического родича?³⁰

Ну и, наконец, небольшое психологическое отступление, которым я никак не хочу обидеть ни моих героев, ни вероятных читателей. Просто не воспринимайте последующее в качестве стереотипа. Как-то во время перерыва на кофе между обсуждениями технических проблем, стоявших перед местным производством, тогдашний директор коллектива из нескольких инженеров и пары десятков рабочих, рассказал нам, приехавшим в Аккадию специалистам из центра, как удачно он вместе с семьей обошел ужасные очереди ко входу во флоридский центр Диснея³¹. Наш Рене (так его звали), усадил младшего сыночка в инвалидное кресло и, подойдя к воротам в обход очереди, был пропущен с же-

²⁸ Федерико Феллини как-то сказал, что он не ест ничего отвратительного, как-то лягушек и всяческих моллюсков – знаем в чей огород камушек!)

²⁹ Место ожесточенных баталий 1й мировой.

³⁰ Автор, как обычно, не претендует на абсолютное знание, но отстаивает свое право на сомнение.

³¹ Я и сам – свидетель этих толп во время школьных каникул

ной и старшими детьми в качестве сопровождающих. Мы, слушатели, лишь незаметно переглянулись, удивившись его лишённой сомнений откровенности.

Этот эпизод напомнил мне рассказ моего стажера, воспитанного в сугубо англо-канадских традициях, о том, что, когда он поехал с дочкой собирать поспевшую клубнику на одну из пригородных ферм (популярное развлечение горожан летними выходными), он наблюдал, как одна мамаша русского (судя по акценту) происхождения на своем неидеальном английском, инструктировала свою девочку, как можно больше есть этой клубники прямо на грядке перед тем, как придется платить за собранный продукт по весу. Ну что тут сказать: честность честностью, но имеется и национальная специфика.

Для полноты картины мне просто необходимо сказать что-нибудь об особом отношении к сексу и пристрастии к быстрой езде, ожидаемых от французов, даже если они оторвались от исторической родины на несколько столетий. Первая тема уже порядочно размыта в 70-е, прокатившейся через все расовые и национальные барьеры сексуальной революцией, продуктом отказа от религиозных «предрассудков» и укоренением противозачаточных таблеток. Тут мало что можно добавить оригинального, ну разве что Монреаль (главный город Французской Канады) с незапамятных времен был и остается одной из столиц бурлеска, стрип-клубов и подобных развлечений, которые привлекают туристов и

посетителей технических симпозиумов из США и остальной части Канады. Традиционно в большинстве поселков и деревень Квебека, существуют бары с полу- или совсем голыми официантками, на роль которых претендуют совершеннолетние местные девушки из «нормальных» семей. Любопытно, однако, что таких заведений в Аккадии нет, поэтому местные мужчины с обоих берегов реки Сент-Джон периодически навещают стрип-бар (внешне выглядящий обычным одноэтажным домом с большим паркингом) «по ту сторону» границы с Квебеком. В барах же, расположенных «по эту сторону», имеется заметное преобладание женского полу, как некоторые утверждают, с отношением числа посетительниц к числу посетителей до двенадцати к одному. В остальной Америке, насколько я могу судить, таких аномалий не наблюдается.

Но зато быстрая езда (где это позволено) действительно восходит своими истоками к Новой Франции – нынешнему Квебеку, где изобрели и сделали мировым брэндом «сноумобили». Фирма «Бомбардье», их создавшая, превратилась в одного из строителей самолетов и поездов метро для стран Запада (не знаю, сами ли китайцы построили свои модели, или, как их часто подозревают, скопировали наши).

Езда на моторизованных санях теперь повсюду, где есть снег, но нигде она не приобрела настолько массового распространения, как в Квебеке и Аккадии, где, благодаря длительной истории фермерства на месте дочиства снесенных

девственных лесов можно носиться затемно по равнине без ограничений скорости, или скажем, проверок на присутствие алкоголя в крови. Беда лишь, что стальная проволока, перегораживающая частные дороги или висящая на уровне метра от земли на скрытых снегом межах, становится незаметной в сумерки, так что зазевавшиеся наездники иногда (слава Богу нечасто) буквально теряют головы в бесполезных на такой случай шлемах, о чем друг другу потом рассказывают их товарищи за кружкой пива и тарелкой пережаренных моллюсков...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЮГ

Atlanta, GA

Иосиф Бродский считал переписывание старых текстов неблагоприятной работой, мол, старых чувств – не воскресить. И в этом конкретном случае, текст, написанный еще до президентства Барака Обамы, не говоря уже о Трампе и недавних попытках поднять восстание в американских городах по образцу социалистических революций, заставили меня несколько усомниться в правоте многих высказываний, которые я себе позволил в конце предлагаемого очерка. В частности, мои чересчур упрощенные представления о том, что социализм настолько чужд американскому образу жизни, что его единственным источником следует считать семена, посеянные более поздними выходцами из Ев-

ропы начала XX века. События последних двух лет указали мне на правоту моего товарища, живущего в разящем социалистическим духом городе Портленде, штат Орегон: «что же делать, если обыватели натурально тяготеют к социализму?». Но пусть мои, возможно, ошибочные теперь замечания останутся просто как иллюстрация быстротечности времени и поворотов личной и общественной судьбы. Впрочем, время покажет....

Атланта – город, где живут и работают черные люди. То есть здесь, конечно, есть и другие – белые, мексиканцы, азиаты, но их почему-то не замечаешь. Впрочем, насчет живут тоже не совсем точно. В центре города живут, в основном, приезжие, командированные, участники технических конференций и так далее, живут в громадных отелях, соединенных надземными переходами, так как по тротуарам ходить как-то не принято (см. дальше). Кроме этого, здесь есть огромные офисные башни, которые, собственно, и составляют основную черту центра Атланты – прекрасную, запоминающуюся архитектуру современных небоскребов. Одна из ее особенностей – то, что она не подавляет зрителя ни вблизи, ни со скоростной дороги, оставляя достаточно негативного пространства, как говорят художники, чтобы наблюдателю не чувствовать себя муравьишкой, как это происходит в более насыщенных камнем и стеклом местах: Чикаго, Манхэттене, или там, в азиатских мегаполисах. Когда заведешь раз-

говор с американцем об архитектуре Атланты, то, в первую очередь, он, наверное, вспомнит штаб-квартиру Кока-колы. Но мой любимый объект – небоскреб Джипи (GP), который тут же и воспроизведен на первых двух фото. Остальные дома, хотя я и знаю их названия, останутся безымянными в этом репортаже.

Здание GP с пешеходного уровня и со скоростной дороги

Приезжие – приезжими, а что же местные – они – персонал отелей от менеджеров до уборщиц, полицейские, таксисты, бармены, музыканты, водители автобусов, продавцы и дорожные рабочие. Практически все они – черные, и все они жители большой Атланты, которых в конце смены отвозят домой городские автобусы, сменяя их толпой вечерних и ночных работников. Только одна категория черных обитателей никуда не едет, это – бездомные, тихие и не очень. Да что это я, черные да черные, а кто же проводит свои дни внутри многочисленных офисных башен? Эти люди, независимо от

цвета кожи, как правило, являются обитателями пригородов, то есть живут в так называемых «gated communities», огороженных и охраняемых круглосуточно поселениях со всем необходимым: магазинчиками, парикмахерскими, детсадами и кинотеатрами. Конечно, если кому-то захочется пойти в приличный ресторан, то воленс-ноленс, садись в машину и поезжай к центру, но, заметьте, не в центр. Рестораны, за исключением тех, что принадлежат отелям, находятся в зеленом кольце, опоясывающем центр на расстоянии пары километров, так что пешком из центра дойти можно, но в голову это никому, в том числе и бездомным, не придет.

В один из них мы набились порядочной толпой участников внутрикорпоративного совещания, приехавших на пару дней в Атланту, кто из близлежащих городков, а кто за тысячи километров из Западной Канады. Впрочем, набились мы только за один из длинных столов в зале, а остальные столы были уже заняты аналогичными группами или поменьше. Ресторан этот упомянут во всех сити-гидах, как подлинно итальянский, что визуально весьма далеко от истины, хотя бы по совершенному отсутствию хоть каких-то признаков стиля, вкуса, если угодно. Хозяин скорее напоминал американского «байкера», хотя время от времени ввертывал итальянское словечко из небольшого запаса, который он, по-видимому, почерпнул из словаря своих предков, приехавших два поколения назад, но на стене среди массы фотографий была одна – молоджавого Паваротти с каракулями автографа.

В общем, как у детей – Италия понарошку. Однако соус к спагетти из базилика и свежих помидоров был, вроде, настоящим, как подтвердила мне соседка справа – итальянка и тоже во втором поколении. Запомнились две шутки веселого байкера: первая – на вопрос, какое блюдо в меню – его любимое, он без паузы ответил – у нее сегодня выходной, а вторая: – у нас порции маленькие (мол, не беспокойтесь о лишних калориях), зато цены большие (что, в итоге оказалось не шуткой). На всякий случай даю имя этого заведения – «Il Localino» – вполне итальянское, хотя и отдает кинематографом.

Поднявшись вечером в свой номер на десятом этаже Хилтона, я открыл шторы, и увидел вторую часть городского пейзажа – ночь в Атланте. Передо мною был черный небоскреб, увенчанный ажурной пирамидой, сделанной из светящихся проволочек, но телефонная камера была не в состоянии разрешить детали светящегося объекта на черном фоне.

Ночная Атланта

Следующий день прошел за круглым столом в слушании скучных, и не очень, докладов, с перерывом на кофе и ленч, когда можно было выйти на террасу и посозерцать купальщиц в бассейне под открытым небом на крыше соседнего отеля. По окончании, решили сперва идти в бар, и, будучи довольно большой группой, двинулись по еще людным улицам вместо предоставленного для этих целей надземного перехода.

День еще догорал на юго-западной стороне каждого из небоскребов, зато ночь уже наступила на северо-восточной. Я, как со мной часто случается, немного поотстал, пытаюсь схватить игру формы и света с помощью своего верного друга – телефона системы Блэкберри.

В одном из темных отрезков тротуара мое внимание привлекли две каменные пантеры в пошловатом, на первый взгляд, но эффектном стиле, напоминающем Эрте³², на ступенях у входа в один из отелей³³.

³² Эрте – художник, скульптор, ювелир и модельер русского происхождения, работавший на стыке искусства и коммерческого мира высокой моды

³³ Читателю может показаться интересным, что эти скульптуры на самом деле – копия каменных «львов» перед входом в собор 14-го века в Бельгийском Динане, на которых я случайно наткнулся 10 лет спустя

Увлечшись поисками подходящего ракурса, я вступил в темноту и замер от неожиданности. Из черного угла поднималась мне навстречу внушительная тень и трубный бас воззвал: -«Хей мэн, к'мон даун хир» – подойди, мол, сюда. Остановившись с занесенной для следующего шага левой ногой и камерой наготове в правой руке, я с примесью испуга ощутил почти радостное возбуждение, от мысли, что я, наконец, окажусь участником (в страдательном смысле, конечно) ограбления в центре Атланты, о которых время от времени слышал от различных коллег и знакомых, испытавших его на себе. Но мои спутники не дремали. Остановившись на следу-

ющем, освещенном солнцем углу, они обратились ко мне с разного рода призывами и жестами от пригласительных ладошкой, до осуждающих с помощью кручения указательным пальцем у виска.

Дальше все пошло без приключений, но все-таки я кое-что я снял, и ракурсы, и светотени, и футуристическое 25-этажное фойе отеля, в котором нам предстояло дожидаться ночи.

В баре после своего стандартного двойного Джеймисона с кусочком льда, я, после нескольких десятков лет в Сев. Америке приобщился, наконец, к очаровательному напитку, так называемому «олд-фашион», что означает – «старомодный».

Научил меня молодой человек иранского происхождения по имени Амир, по-видимому, адаптировавшийся к местным условиям лучше моего и за более короткий срок. Американцами, выражаясь, так сказать, гиперболически, реже рождаются, но очень часто становятся – культурный пласт тонок и легко растягивается с тем, чтобы вместить еще одну вариацию.

На следующий день, который как бы уже наступил в баре, нужно было вставать до рассвета, чтобы успеть на утренний рейс. Я оставил шторы в номере открытыми с видом на башню с золотой короной, недоступной фотографии.

Проснувшись через несколько часов, я обнаружил, что башня все еще горит на фоне светлеющего неба, и фото на этот раз – получилось! Этот купол – состоящий из светящихся паутинок шатер на голове у черного столба высотой в 55 этажей, весьма созвучен моему личному ощущению Амери-

ки: чего-то громадного и летучего в одно и то же время, казалось бы, не обремененного пахнувшей кровью и потом историей строительства цивилизации, как будто возникшего совсем недавно из ничего и готового унести в космос по первому зову очередного ЕТ.³⁴ Может быть образ Америки, как таинственный сияющий город на холме, о котором любил говорить президент Рейган, и есть тот космический корабль, который мне привиделся предрассветным утром в Атланте.

³⁴ Русскому читателю этот симпатичный пришелец из космоса, герой ультра популярного детского фильма Спилберга с одноименным названием, менее известен, чем американцам всех возрастов

Культура Америки, как мне представляется, – не столько плавильный котел, сколько лоскутное одеяло, в котором совершенно порой несовместимые черты национальных традиций существуют бок о бок, не приводя к кровавым конфликтам (типа тех, которые питали столетние войны между народами «старого света»), а достаточно мирно уживаются

друг с другом, благодаря отсутствию почвы, на которой эти сорняки старых цивилизаций изначально выросли. Здесь сочетается агрессивность во внешней и внутренней политике с благодушием и желанием помочь заблудившемуся путнику, унаследованным от первых поселенцев, которые все еще живут по всей стране в лице своих недалеко ушедших потомков. Здесь в течение нескольких десятков лет перешли от почти поголовной веры в расовое неравенство (конечно же, унаследованное от европейцев) к ситуации, где проявления расизма, вплоть до убийства – удел умственно-отсталых или душевнобольных³⁵. Здесь европейский антисемитизм, как часто считают, впитанный с молоком матери, а на самом деле привитый морально-ущербным церковным воспитанием, сменился практически полной интеграцией потомков еврейских переселенцев в американский контекст, независимо от того, носят ли они ермолку и длинную бороду, или нет.

В мои молодые годы, перед отъездом в эмиграцию, я читал и обсуждал «на кухне» теорию конвергенции последнего русского святого – Андрея Дмитриевича Сахарова, и, поначалу, многое из того, что я увидел, свидетельствовало в пользу его тезисов. И все же... Социализм в его современной ипостаси есть продукт европейского опыта развития, свя-

³⁵ Автор признает, что «судьбоносные» события лета и осени 2020-го и последующая кампания антирасистского перевоспитания белых американцев, сделала приведенные рассуждения несколько наивными, надеясь все же, что на более протяженном участке времени здравый смысл предшествовавших десятилетий возьмет верх

занного со скученностью городской жизни и со стремлением к материальному достатку без затраты больших усилий у все возрастающей доли населения, и очевидным решением – «забрать и поделить» для того, чтобы всем ловить кайф поровну. В Америке же до сих пор – немереные резервы природные, территориальные и людские, и почти неограниченные возможности проявить личную инициативу, сопряженную с риском, но и с наградой для ее автора. Здесь даже социализм будет недолговечен из-за отсутствия контекста зависти, так знакомого жителям Восточной Европы вплоть до Урала.

Написал и подумал, а ведь Сибирь была завоевана и более-менее освоена примерно в тот же период времени, что и Америка, да и территории обеих с их природными богатствами по многим критериям похожи одна на другую. Даже Тунгусский метеорит имеет по масштабам аналоги на Североамериканском континенте – полусферический кратер в Аризоне и восточная сторона залива Хадсон в Канаде. Только климат немного подкачал. Такое впечатление, что централизованное государственное управление сначала царской Россией, а затем и «Советами» не предоставило инициативным людям, которые всегда появляются при наличии благоприятных для их существования условий, то есть достаточно шанса, чтобы сделать это место подлинным центром мирового развития, каким оно могло стать. Так и мой прадед, фармацевт из Читы, подкопив немного денег тут же уехал

вместе с семьёй в европейскую часть Российской Империи, с тем чтобы стать там состоятельным человеком, купцом первой гильдии вместо того, чтобы добиваться успеха «здесь и сейчас» в тогдашней Сибири. Мой самолет тем временем начал свой разгон вдоль длинного ангара с горящей вдоль всего пути, подходящей моему настроению, надписью: «ЛЕТАЙТЕ РЕАКТИВНЫМИ САМОЛЕТАМИ ФИРМЫ ДЕЛЬТА»

Newberry, SC

Я приезжал в эти края два-три раза в год, стараясь не попадать в периоды перед или после больших праздников, из-за невообразимых толп в аэропортах и загруженных федеральных дорог. Это, конечно, происходит в первую очередь потому, что американцы, как ни в одной другой стране ми-

ра, не привязаны своей работой (карьерой) к конкретному городу или штату и часто работают вдали от места своего рождения, от родителей и родственников, а иногда и семьи, навестить которых на Рождество или в День Благодарения их истово призывает внутренний голос и железная традиция. Но о более мелкого масштаба ритуалах я не заботился, и вот, как-то раз, попал в Ньюбери на Хэллоуин (пишу, стараясь поймать правильное звучание, которое, к сожалению, способно радикально меняться от штата к штату и особенно при пересечении невидимой «линии Мэйсона – Диксона» – когда-то реальной границы между конфедератами и юнионистами).

Дело было уже под-вечер, когда я, наконец, свернул с хайвэя после 2-часовой поездки из ближайшего аэропорта, и сначала в быстро сгущающихся сумерках, а потом уже в полной темноте, стал осторожно пробираться по Мэйн стрит через череду взрослых и детей, идущих в направлении парадных домов в центре городка для «сбора» традиционной конфетной дани. Тьма южной осенней ночи урывками освещалась посредством электрических фонариков, спиртовок со стеклянными колпачками и даже свечей в руках «демонстрантов». Этот свет создавал потустороннюю атмосферу загробного мира, благодаря белым одеяниям и почти невидимым рукам и лицам афроамериканцев.

Как далеки были эти образы от европейских ряженых в козых шкурах и рогатых шлемах викингов или канадских

детей в костюмах супергероев из комиксов. Зато связь с мистической атмосферой африканских ночных бдений или обрядов Вуду на Карибских островах – была вполне очевидной, причем, конечно не только для меня, но и для коренных американцев (недаром еще 100 лет назад Карл Юнг назвал черного человека важнейшим архетипом и образцом для подражания всех американцев). Жаль, что я не сделал тогда фотографий (впрочем, фотографировать без спросу проходящих мимо в 2-х шагах от тебя людей не принято в этой стране).

Исторический центр Ньюбери, маленького, но примечательного городка в континентальной части Южной Каролины аж в трех часах езды от берега Атлантического Океана, оказался для меня местом регулярных посещений по делам службы. Мой первый приезд совпал с открытием достаточно комфортабельного отеля средней руки, поддерживаемого потом в течение многих лет (редкость в Америке) в идеальном состоянии чистоты и работающих лифтов, а парковка даже украшена неожиданным здесь фонтаном с изображением Нептуна³⁶.

³⁶ Фонтан на паркинге? Нептун в Южной Каролине?

Сразу по выходе из отеля в поисках открытого ресторана («гуд лак» по понедельникам), натыкаешься взглядом на небольшой монумент, едва различимый на фоне великолепных деревьев.

Памятник, однако, совершенно оживает к вечеру и становится до боли знакомым привидением в свете вспышки на телефонной камере. Этот памятник похож на сотни (может быть, тысячи) подобных памятников в маленьких и больших городах Канады и Америки, которые изображают бегущих или умирающих на бегу молодых солдатиков не героями, а настоящими жертвами, так сказать, пушечным мясом, не колеблясь использованным правящими элитами Европы для удовлетворения своих амбиций в той «Великой» но, как теперь очевидно для многих, бессмысленной, Первой Миро-

вой войне, спровоцированной сербскими националистами, за что «расплата» пришла к ним аж через восемьдесят пять лет в виде жестоких, и, может быть, столь же бессмысленных³⁷ бомбардировок Сербии английскими и американскими коллегами по НАТО в 1999 м.

Последующие войны, Корея, Вьетнам, даже Вторая мировая, отмечены менее выразительными стелами с относитель-

³⁷ По крайней мере мне кажется, что преследуемая тогда формальная цель остановить этнические чистки, направленные против албанцев в Косово, могла быть достигнута более разумными средствами, чем дубина сверхзвуковых бомбардировщиков, атакующих мирное население Белграда.

но небольшим числом имен жертв-героев.

И, конечно, все другие войны, вместе взятые по числу павших граждан этого города, намного уступают числу погибших в самой главной войне Америки – Гражданской 60-х годов девятнадцатого века, где на памятнике, под именами погибших, врезаны в камень слова, что эти люди сражались «за правое дело», слова до сих пор близкие и понятные белым уроженцам Южной Каролины.

Я не могу отвечать за интерпретацию, но вряд ли большинство из них считают правым делом рабство и угнетение их черных собратьев. Скорее это – право на самоуправление, которое и было поводом и движущим мотивом (по крайней мере вначале) той войны со стороны конфедератов-южан.

Но темы расовых противоречий мне здесь все равно избежать не удастся. Где же этому вопросу воздать должное, как не здесь, в Южной Каролине, где сравнительно недавно, в результате массовых протестов черных граждан и «прогрессистов» всех цветов³⁸, с клумбы перед штатным парламентом был удален флаг конфедератов, развевавшийся здесь в течение последних 155 лет (1861–2015гг). Протесты, кстати, были спровоцированы убийством нескольких ни в чем не повинных прихожан негритянской церкви на окраине другого исторического города – Чарлстона. Но вернемся к памятнику. Обходя его со всех сторон в поисках кадра, я заметил неподалеку плоский камень, едва возвышающийся над аккуратно подстриженным газоном.

³⁸ Прокатившаяся тогда волна протестов была, как впоследствии оказалось, лишь репетицией массовых демонстраций, грабежей и столкновений с полицией во всех крупных городах Америки в течение всех 4-х лет правления администрации 45-го президента США

С трудом разобрал полустертую надпись об отряде северян с черным контингентом и некоем солдате армии конфедератов, мистере Калвине Крозиере, я полез в интернет, где вся история прибрела, ценные своей конкретностью, детали. Короче говоря, 25-летний дембель Калвин вступил за юную девушку, к которой начал было приставать черный солдат из расположившегося бивуаком 33-го «цветного» полка армии северян, и был расстрелян взводом «цветных»³⁹ солдат за нанесение телесных повреждений их товарищу. Кто там сколько виноват, не мне судить, но одна деталь заслуживает упоминания.

³⁹ Официальный термин того времени

Черные храбрецы сначала повязали местного обывателя, думая, что это он был участником драки, но Калвин Крозиер выступил вперед и принял вину на себя вместо того, чтобы сбежать под шумок и продолжать свой путь демобилизованного солдата домой, в родной Техас. Как бы там ни было, история – не хуже и не лучше тех, которые случались сплошь и рядом и на моей родине во время нашей Гражданской войны. Вспоминается фильм из детства – «Судьба барабанщика», где один замаскированный враг, бывший белый офицер, рассказывает мальчику, как его товарищ спас даму от насилия солдатами, и на вопрос пионера: – «А какие это были солдаты, белые или красные?», раздраженно отвечает – «Какие-какие? Военные были солдаты» ...

На этой площади много (если не все) зданий «с изюминкой»; то архитектура необычна, то назначение здания, то изображение на фасаде мэрии, в прошлом Федерального суда будоражит воображение, а объяснение на стене, среди прочих сведений описывает смысл цветного барельефа: вырванное с корнем дерево – поверженный Штат, над ним парит «федеральный орел», то есть северяне, а петушок слева – непобежденный дух Каролины!

Здесь и уникальное для маленького города величественное здание Ньюберской Оперы, которая успешно функционирует с весьма эклектичной программой за счет туристов-пенсионеров, путешествующих в комфортабельных автобусах от одной местной достопримечательности к другой по некогда культурному, а теперь, скорее, ностальгическому Югу.

А в соседнем здании окна первого этажа наглухо заложены кирпичом. В этом здании теперь помещается магазин с канцтоварами (как уж он выживает при наличии Волмарта в 5 минутах езды?), но я еще застал время, когда у здания было иное назначение, а у изоляции от окружающего мира логическое объяснение – масонская ложа. Мой тогдашний студент, истовый католик, отозвался о масонах неодобрительным бормотанием, однако у меня с этими делами – пробел в образовании. То есть, конечно, исторически, масоны представляли собой некую крамольную альтернативу Католической церкви для сильных или продвинутых, но сейчас они, похоже, – лишь одна из многих традиционных благотвори-

тельных организаций, кстати, переехавшая в большее здание по соседству, а чем они там занимались за глухими стенами – я, признаться, не задумывался.

Описав полный круг по этой площади-музею, и поглазев на необычные детали фасадов, вернемся на минутку к парковке моего отеля, где помещен мельком упомянутый, многофигурный фонтан, увенчанный статуей с трезубцем за спиной. Фонтан, изображающий грозного бога, заинтересовал меня не сразу – слишком навалились впечатления от динамичной американской цивилизации вперемежку со следами ушедшей (проигравшей Гражданскую войну) ее части.

Однако, в какой-то момент мне стало интересно понять, откуда взялось это украшение, построенное вместе с новеньким стандартным «Хэмптоном», но явно отдающее старой Европой. Сначала я себе воображал, что Нептуны где-нибудь в Болонье или Палермо послужили моделью для центральной фигуры. Настоящим стимулом интенсивной охоты послужило для меня ироничное замечание моего австрийского приятеля, бывшего москвича, что, мол, и до вас добрался Церетели со своими пошловатыми фантазиями. Рассматривая сделанные наспех «телефонные» снимки, а потом и изображения, любезно предоставленных всем желающим программой «Google-street-map», я заподозрил, что мой Нептун не только не итальянец, но и не из эпохи барокко, когда эти фонтаны росли, как грибы под эгидой Пап и Принцев в европейских городах. Что-то неуловимо куколь-

ное было в слегка андрогинной фигуре и волнистой шевелюре, увенчанной изящным коком.

Достаточно продолжительный поиск по закуткам интернета привел меня в конце концов в славный средне-немецкий город Бамберг, где в середине XVIII-го века трудился в стиле рококо усердный скульптор Фердинанд Диетц, создавший трогательных своим телесным несовершенством богинь и богов, предназначенных для украшения княжеских парков и павильонов, до сих пор стоящих на своих законных местах, несмотря на могучими волнами прокатившиеся с тех пор по Германии революции и войны. Интересным для меня является совпадение времени основания города Ньюбери в середине XVIII-го века (вполне возможно, что среди основателей были выходцы из Германии) и временем создания «садового» Нептуна, мексиканская копия которого, сделанная из крашеного железобетона была установлена на пороге двадцать первого столетия от Рождества Христова. Однако настоящий смысл этого памятника стал для меня ясен при более внимательном взгляде на снимок, сделанный мною в достаточно случайный момент времени: на фото каждый увидит даже не один, а несколько зарождающихся из грозовых облаков вихрей-торнадо⁴⁰, которыми наш Нептун и поставлен здесь повелевать.

⁴⁰ Торнадо малые и большие в этих местах – довольно частое явление в начале весны и конце лета, что, на мой взгляд, оказывает существенное влияние на мировоззрение американцев в отличие от их европейских и африканских предков.

Я начал ездить в эти края около 10 лет назад по делам, связанным с моей технической миссией. Компания, в кото-

рой я работал, построила современный завод в графстве, где почти всякая промышленность заглохла с исходом текстильного производства в Юго-Восточную Азию, так как там хлопок растет не хуже и себестоимость наёмного труда ниже, чем на этой, унаследованной от эпохи рабовладения, земле. Остались лишь незасеянные хлопковые поля с хижинами и полуразбитыми трейлерами на пятачках между ними, да постепенно исчезающие остовы многоэтажных хлопкоперерабатывающих фабрик.

Более того, быстрорастущий хвойный лес стал наступать на заброшенные дома между хайвэями, к которым подъехать и выйти из машины, чтобы сфотографировать, едва по-

лучается из-за вылезших на поверхность корней и стоячей воды с комарами и, весьма вероятно, ядовитыми змеями. Все-таки, я как-то решился заехать в чащу (выбираться пришлось задним ходом), и нашел среди оставшихся развалин точную метку исчезнувшей цивилизации – телевизор 60-х годов 20го века.

С тех пор многое изменилось, но даже в начале «нулевых» водораздел между белыми потомками побежденных конфедератов и их черными соседями, еще прослеживался в географии небольшого городка и в умах его обитателей.

В один из первых моих приездов в Ньюбери, местное начальство, Джим Блэк, на пути из бара в мотель (шли пешком, так как водить в таком состоянии в голову не приходило), сказал, что этот штат – наиболее сегрегированный (как еще сказать) в Америке. Ну сказал и сказал, у меня это как-то пролетело мимо ушей, но к вечеру следующего дня

вспомнилось, когда мне понадобилась зубная паста. В машину садиться было неохота после трудового дня, и я спросил у джентльмена за стойкой отеля, нет ли где поблизости места купить пасту на расстоянии пешей прогулки. Тот мне сказал приглушенным голосом, хотя кроме нас тут никого не было и скосив глаза на сторону, что буквально в нескольких шагах отсюда имеется автозаправка с магазинчиком, но, на моем месте он бы туда не ходил так как там уже была «черная» зона.

Ну, это я решил проигнорировать в ясный солнечный вечер и поплелся вверх по склону в сторону заправки. На станции действительно было оживленное общество пестро одетых черных граждан, но вопреки опасениям, пасту мне продали без эксцессов и даже наградили улыбкой за покупку, как полагается...

Теперь, через десяток лет, когда я решил написать о Нью-Бери, я снова посетил эту же станцию: публика на ней была уже смешанного состава, хотя классово-социальный уровень все еще достаточно отличался от обитателей больших домов на «Мэйн стрит». Последние, по-видимому, все еще сохраняют статус отцов города и собираются для бизнеса или семейных праздников в дорогих ресторанах с поварами, прошедшими школу в столицах, Нью-Йорке например. В отличие от Москвы, Монреаля или курортных мест, таких как Майами или Галвестон, в здешних ресторанах – не шумно и даже по субботам не все столы заняты, а порции таковы, что даже богатые посетители забирают с собой половину великолепных стэйков домой, что, конечно, вполне соответствует пуританскому идеалу современной Аме-

рики.

...Возвращался я с тюбиком зубной пасты путем окольным, сужая круги вокруг мотеля в попытке уловить хоть какие-то визуальные признаки демаркационной линии между обиталищем черных и белых жителей Ньюбери, но, кроме классового неравенства, выражаемого размером домов и вычурностью фасадов, ничего не нашел. Я заметил, что дверь старой городской библиотеки, помещавшейся несколько лет назад в элегантном, подаренном городу особняке, закрыта, а сама библиотека, по-видимому, перенесена в недавно выстроенный в кондовом федеральном стиле культурный центр в предполагаемой «черной зоне»: оттуда как раз выходили две упитанные темнокожие девушки.

Другое дело Чарльстон – на берегу океана в 3-х часах езды от Ньюбери. Там никакие розыски границ не нужны, и так все ясно. Заходим мы как-то с женой в кафе на ланч, садимся за стол, втиснутый между двумя диванами, как и все остальные посетители, и я «со знанием дела» заказываю у молодого «мистера спортинг лайф» пиво и так называемые крабьи котлетки (crab cakes) – местное блюдо, а в Америке принято пробовать блюда местной кухни, так как все остальное обычно готовят гораздо хуже. На это он, ничтоже сумняшися, говорит, что он бы на моем месте заказал что-нибудь другое, так как котлетки из крабов здесь едят только эти, указывая почти незаметным поворотом головы на креп-

кой шее на соседнее купе, где сидит семейная пара прилично одетых черных людей с двумя достаточно воспитанными детьми. В общем, пришлось переходить улицу, чтобы заказать себе еду в другом, мало отличающемся от этого, заведении. Или вот еще: на самом подъезде к центру Чарльстона, дорога нас привела в квартал с обшарпанными частными домиками, которые торчали из своих оснований под углами, заметно отклонившимися от вертикали, вперемешку с бетонными коробками магазинчиков. А за поворотом уже были южные деревья в цвету, шикарные рестораны с официантами в сюртуках и бабочках и отель с парадной лестницей и бассейном под стеклянной крышей! Но как-то под вечер, мы с женой, сбившись с пути, вдруг оказались в виденном мельком островке нищеты на довольно безлюдной проезжей части, как вдруг к нам сзади буквально подбежал высокий темнокожий мужчина в майке без рукавов, какие когда-то носили в СССР⁴¹. Схватив нас обоих одновременно за руки ниже плеч, он потянул нас прочь из этого места в сторону центра, восклицая в сердцах: «Are you crazy? What the hell are you doing here?»⁴². Эти примечательные эпизоды из нашего кратковременного визита вспомнились, когда прокатилась по экранам телевизоров и компьютеров уже упомянутая история убийства девяти чернокожих прихожан в церкви

⁴¹ Здесь она называется «wife beater», с намеком на недавнее прошлое эмансипированной Америки

⁴² «Вы что, с ума сошли? Что вы здесь делаете?»

на окраине Чарльстона молодым человеком с помутненным сознанием, которому, тем не менее, продали винтовку с полуавтоматической перезарядкой. Перед убийством этот крестин вывесил на Фейсбуке свое фото с винтовкой и боевым флагом южных штатов времен гражданской войны, которую, несмотря на 160 прошедших с ее окончания лет, здесь вспоминают гораздо чаще, чем в России «нашу» Гражданскую 1918–22 годов.

В Ньюбери подобных проблем мне наблюдать не приходилось. Отыскав на вебе ленту новостей из местного муниципалитета, я там увидел порядочное количество полицейских арестов за попытки ограбления, публичную демонстрацию половых органов, пьяные дебоши и незаконное хранение марихуаны, но расовых эксцессов там, по крайней мере, на этот раз, не было. И то сказать, белые и черные часто теперь работают вместе, ходят в одни и те же рестораны и бары, да и черные менеджеры на новых заводах – совсем не редкость, хотя живут они все-таки в своих собственных околотках этого одноэтажного города.

Впрочем, тут нужно оговориться, что речь может идти лишь о поколении 40-летних и моложе, которые, скорее всего, переехали сюда в поисках возможностей работы во вновь развивающихся отраслях благодаря дружественной по отношению к бизнесу налоговой политике «бедных» южных штатов. «Бедных» взято в кавычки потому, что эта бедность – явление исторически достаточно новое, связанное с практи-

чески полной потерей хлопкоперерабатывающей промышленности около 40 лет тому назад. До этого здесь были и богатые (белые, понятно) хозяева и трудоустроенные, но, сравнительно, бедные: как черные, так и белые⁴³ граждане, потомки которых, оставшиеся не у дел, живут вдоль старой дороги, пока поколение сменившей их приезжей и местной молодежи разных цветов кожи несется на своих фордовских пикапах Ф150 (с подогревом или охлаждением сидений под задницей в зависимости от сезона) по параллельной дороге метрах в двухстах от старой, невидимой из-за коммерческих посадок быстро-растущих деревьев, насаждаемых повсеместно в Южных Штатах, «как Никита Хрущев – кукурузу».

Ресторан на центральной площади

На самом деле, в Америке ресторанами называются любые заведения общепита, но некоторые открывают свои двери только вечером и, конечно, там и цены – повыше и обста-

⁴³ Архивные фотографии начала 50х показывают коллективы белых рабочих, окружающих группу менеджмента в середине. Примечательно, что далеко немногие тогда могли позволить себе семейный автомобиль, что вынуждало их селиться на расстоянии пешего перехода до работы и обратно домой, приводя к классическому городскому многоквартирному стилю жилых построек, и образу жизни рабочих окраин, хорошо известному нам, выходцам из Европы и близлежащих стран, типа России или Турции. В Америке же почти повсеместно (особенно на менее плотно-заселенном Юге), центры городов, как таковые, превратились в набор гостиниц и общественно-административных заведений вперемежку с многоквартирными муравейниками для людей без определенных занятий.

новочка по-авантажнее. В Ньюбери, как и во многих других городах поверженного Юга, они располагаются в отреставрированных домах XIX века постройки – бывших банках, старых отелях (непригодных теперь для стандартного комфорта нынешних постояльцев) или в частных домах отцов-основателей города, часто с памятной табличкой около входной двери, что-де здесь останавливалась важная персона, например, леди Берд (жена президента Линдона Б. Джонсона).

Одно из таких мест мне хочется здесь описать. Название ему – «Стивен Дабл-ю», и помещается он в здании бывшего кантри-клуба, где количество посадочных мест (на двух этажах!) и гигантская барная стойка намного превышают площадь, необходимую для того, чтобы обслужить немногочисленных посетителей, по крайней мере по будним дням. Не мудрено, ведь пива можно выпить и подешевле, а чистой публики да приезжих вроде меня в этом городе немного. Но еда вкусная. В течение 10 лет меню практически не менялось, хотя и владельцы, и обслуживающий персонал стали другими, отражая демографический сдвиг – раньше гостей обслуживала высокая, светловолосая и босоногая (sic!) белая англичанка, а нынче бизнесом заправляют два приземистых, с идеальными манерами, мексиканца. Историческая справка: хотя Стивен Дабл-Ю начал свое существование на рубеже XX века, то есть через 50 лет после разгрома южан, он хранит на себе какие-то черты былого и, в частности, наивного стиля картину на стене, представляющую в романти-

ческом свете жизнь южных «плантаторов», как их было принято называть в советском лексиконе.

Они, мне кажется, предпочли бы называться южными джентльменами, а еще дальше в исторической перспективе, кавалерами. Это, несколько смешное для русского уха слово берёт своё начало в истории Англии 16-го века, когда первейшим из кавалеров был казненный Кромвелем король Чарльз 1, тот самый, чьей кровью пропитал свой платок

Атос, находившийся под помостом для казни, как описано в романе Дюма «20 лет спустя». Кавалеры сражались с «круглоголовыми» пуританами Кромвеля за сохранение аристократических привилегий, которые с тех пор стало необходимым поддерживать с помощью денег вместо устаревших благородного происхождения и военной доблести.

Англия после этого бодро зашагала к светлому капиталистическому будущему, а значительная часть кавалеров и их детей отправилась в поисках места, где привилегии землевладельцев, в том числе и наличие крепостных, в данном случае – африканских рабов, могли бы утвердиться вдали от победившего среднего класса. Таким местом оказалась благословенная своим климатом (идеальным для разведения табака) и буколическим пейзажем Виргиния, ставшая сперва родиной Джорджа Вашингтона, возглавившего войну за независимость Соединенных Штатов, а затем, спустя почти столетие, очагом сопротивления уже окончательно капиталистическому Северу. Ну заодно и прилегающие территории, включая Южную и Северную Каролины.

Любопытно, что костяк иммиграции в северные штаты составили их старые враги – «круглоголовые» пуритане и другие протестанты из Северной Европы, что в дальнейшем дало основания некоторым интерпретаторам истории назвать гражданскую войну продолжением той почти мифической Английской войны времен 3-х мушкетеров. Насколько они правы, не берусь судить, но разрушение Южных Штатов (го-

родов, культуры, торговых связей) было настолько яростным и полным, что поневоле приходится подозревать квазиэтническую несовместимость в добавок к несовместимости экономических моделей.

Я оставляю за скобками проблему освобождения рабов, так как она вышла на первый план заметно позже начала войны и оказалась неразрешенной в некоторых аспектах и по сей день. Предлагаю читателю сравнить это с памятью потомков русских крепостных крестьян, для которых такое их происхождение, по-видимому, стало вполне абстрактным (но необязательно безобидным) фактом далекой истории.

Но, возвращаясь в настоящее, мы видим сидящих под картиной, если не потомков, то, по крайней мере, наследников тех кавалеров (как уже говорилось, ресторан дорогой, и только обеспеченные местные жители ходят сюда вкушать от благ цивилизации). Их серьезные габариты указывают не только на отсутствие характерной для настоящих джентльменов воздержанности в еде, но, также, на возможный дефицит менее плотских (я имею в виду чревоугодие) развлечений в пределах 200-километровой авто-поездки.

Впрочем, в моих странствиях по Южным Штатам, мне нередко приходилось сталкиваться с господами со стройной фигурой, элегантными манерами и тонкими лицами, как у Чарльза I на своеобразном тройном портрете работы Ван-Дейка, похожем на антропологическое исследование https://muzei-mira.com/kartini_gollandia/3090-portret-karla-korolja-anglii-v-treh-rakursah-antonis-van-dejk-opisanie.html (здесь приведу собственную интерпретацию).

Другой мостик к тем людям и временам – популярность армейской службы на Юго-Востоке Соединенных Штатов, как можно увидеть из недавно опубликованной статистики. Однако теперь вместе и на равных служат и черные, и белые, и «хиспаникс», последних здесь принято рассматривать как отдельную расу⁴⁴.

⁴⁴ Отдельной расой их делает, конечно не язык, а значительная доля индейской крови, в то время как их название было бы правильным относить к «культуре».

Так что военные традиции Юга живы и заметны и по числу солдат обоего пола в пятнистой униформе⁴⁵ в южных аэропортах таких, как Атланта, Шривпорт, или Гринвилл, и огорчительно обширных полях военных кладбищ вдоль хайвэев и проселочных дорог.

Опять же, в этой части Штатов – армия и флот были са-

но в американском контексте раса и культура часто смешиваются в голове говорящего.

⁴⁵ Бежево-серые или зелено-коричневые в зависимости от природных условий в местах дислокации

мыми надежными работодателями со времени упадка хлопковой индустрии, хотя ситуация стала меняться к лучшему вследствие миграции на юг автосборочных и других предприятий. Так же, как и в армии, молодые черные американцы, больше не отделены от своих белых ровесников ни уровнем образования, ни политикой своих корпоративных хозяев. Забавный пример этого – журнальчик со странным названием «Business Black Box», оставленный на раковине туалета в отделе инженерно-административного руководства завода одним из посетителей.

Что же касается стариков (белых и негров), доживающих свой век в развалюхах и в старых домах на обочине...их можно увидеть на деревянных террасах, знавших лучшие дни, или просто на завалинках у исторических зданий с мирным, по преимуществу, выражением лица, и явным нежеланием строить планы более, чем на ближайшие полчаса.

Guntown, MS

Когда в шестилетнем возрасте я однажды ухитрился спросить у моей образованной бабушки, верит ли она в Бога, она мне ответила, что верит в судьбу, то есть является фаталистом. Потом это слово встретилось у Лермонтова, а затем надолго осталось лежать в сознании без какого-либо развития, пока я не попал в Гантаун.

Самый простой способ оказаться в Гантауне, штат Миссисипи, это – долететь до Мемфиса, штат Теннесси, а затем взять напрокат машину и проехать оставшиеся 150 км по скоростной дороге. Начинается путь из аэропорта Мемфиса по улице под названием «Демократ», в забавном соответствии с длительной историей поддержки Демократической партии населением штата Теннесси.

Сам Мемфис – классический город «демократов» с его экономикой, основанной на шоу-бизнесе, и с преобладанием «неимущего»⁴⁶, в основном, черного населения, которое за последние 10 лет сильно разрослось за счет переселения (добровольного, но стимулированного открытием велферной кормушки) люмпен-пролетарской части Нью-Орлеана, штат Луизиана, после знаменитого урагана Катарина, где были затоплены кварталы, сравнительно недавно перед этим застроенные домами для бедных. Эти дома находились в зоне, недостаточно защищенной дамбами против наводнений из-за нестандартного размера приливных течений. Дома смыло, как прошлогодние листья, а их жители переехали в Мемфис. Злые языки из консервативно настроенных жителей Нью-Орлеана, утверждали, что благодаря этому переселению, Нью-Орлеан снова стал сравнительно спокойным и

⁴⁶ Неимущие в США это класс населения, живущий в бесплатных, часто отдельных, домах, получающий талоны на покупку продовольствия и предметов первой необходимости, и бесплатное медицинское обслуживание в сочетании с наследственным правом считать себя жертвами остальной части общества.

безопасным городом. Зато в Мемфисе преступления различного рода значительно выросли, насколько мне известно из разговоров с коллегами и, отчасти, из собственного опыта. Так у инспектора индустриального оборудования, который работал у нас по контракту, увели среди бела дня новенький пикап, начиненный приборами, прямо с паркинга перед окнами мотеля, или, к примеру, местные жители настоятельно рекомендуют проезжать перекрестки на красный свет без остановки в определенных районах вдоль дороги, ведущей к центру (а о полиции можно не заботиться, так как последние тоже избегают выходить из машины в тех же местах). Впрочем, подобные участки дорог не такая уж редкость в Америке.

В той части соседнего штата Миссисипи, где находится Гантаун, население, в основном, белое с небольшой долей приезжих мексиканцев (благодаря последним в округе появилась хорошая еда на каждый день), а черные граждане, которых я здесь встречал, обычно имели какое-никакое образование⁴⁷ и работу. Впрочем, потрясающая песня-крик, великолепной Нины Симоне⁴⁸ «Mississippi God Damn!» указывает на серьезное расовое противостояние в недавнем прошлом.

⁴⁷ Т. е. умели читать, писать и пользоваться компьютером

⁴⁸ Гениальная чернокожая певица 60-х, поддерживавшая радикальную организацию Черных Пантер, и уехавшая в Париж, подальше от расовых проблем ее родины, как и Джеймс Болдуин, американский писатель радикального толка, чьи вещи печатались в СССР в середине 60-х прошлого века.

Гантаун это один из многочисленных городков или пригородов, в той части Америки, которую можно отнести к Дикому Западу, отчасти существовавшей, отчасти изобретенной голливудскими сценаристами, жизни «ковбоев» и «индейцев», когда пистолет или винтовка были непременной частью мужского туалета. Мне в них редко приходилось заезжать на дольше, чем время, необходимое для ленча, да и то, если поблизости не было скопления стандартных чейн-ресторанов на обочине скоростной дороги.

Несмотря на грозное название, сейчас Гантаун – место обитания пенсионеров побогаче, живущих в отдельных до-

мах, на довольно больших участках, граничащих своей тыльной стороной с лесом или полем в зависимости от локальных особенностей географии. В Миссисипи летом жарко, зато зимой довольно холодно по сравнению с другими южными штатами, хотя снег и здесь большая редкость; растительность на не занятых коммерческим земледелием участках отчасти лиственная, отчасти это массовые насаждения для продажи желтой южной сосны, вырастающей в полный рост за 18 лет.

Как и почти везде на Юге, в тенистых местах, особенно болотистых, здесь водятся змеи, большинство – ядовитые,

а некоторые даже нападают первыми, без провокации, например, так называемые “cotton-mouth” с отвратительной пастью, словно наполненной хлопковыми волокнами. Или короткие, но толстые змейки, раскрашенные перемежающимися кораллово-красными и черными кольцами, которые, по рассказам местных жителей, из свернутого пружины состояния способны подпрыгивать на метр и больше, и пулей лететь навстречу подозреваемому обидчику или жертве.

Возможно, благодаря этим повторяющимся рассказам, и своей застарелой фобии, я всегда избегал пересекать высоко подстриженные газоны даже на огражденной территории завода, который мне приходилось по долгу службы периодически посещать. Таким образом, зеленые лужайки с цветущими деревцами на них, могли запросто оказаться (или, по крайней мере, так представлялось мне) «минным полем».

Но местные жители, за исключением тех, кто совсем недавно переехал из северных штатов, воспринимают наличие змей и аллигаторов, как нормальный компонент суточного цикла, хотя и встают ночью с постели в ответ на шум или просто в туалет, вставляя ноги в резиновые сапоги, как мы – в шлепанцы, и держат где-нибудь в углу гостиной штыковую лопату.

Как я позже узнал, такими змеями кишел и искусственный водоем для тушения пожара на деревоперерабатывающем заводе; в то же самое время этот пруд являлся отличным источником полезных микроорганизмов, необходимых для работы экспериментальной установки по фильтрованию

газообразных выбросов, так называемом биофилтре – прогрессивной технологии будущих производств. Таким образом канадский студент-старшекурсник Йовица, которого я нанял в Гантаун на летние месяцы поддерживать установку в рабочем режиме и снимать показания, вынужден был набирать воду с нужными бактериями из пруда практически ежедневно.

Йовица, как оказалось, имел в свои неполные 20 лет опыт и пострашнее, будучи рожден в смешанной хорватско-сербской семье Сербской Краины, приграничного района, ставшего одной из горячих зон конфликта между воюющими народностями⁴⁹ распавшейся Югославии. Его, 16-летнего, вывезли из Вуковара⁵⁰, когда он уже провел несколько месяцев в окопах на стороне Сербского ополчения. Вынеся из своего опыта глубокое отвращение к войне вообще, он мало чего боялся, в том числе и вооруженных людей, которых в этой местности, по моим оценкам трое из десяти, а в соседнем Мемфисе и все пятеро. Правда, и на территории завода, и в районе блюз-клубов, носить на своей персоне оружие воспрещено, что иногда обеспечивается полицейскими провер-

⁴⁹ Народы, жившие бок о бок на плодородной земле и говорившие на одном и том же языке в течение двух тысячелетий, тем не менее были напрочь разделены двумя доминантными религиозными традициями христианства (православные и католики), и подобно суннитам и шиитам в мусульманстве, воспринимали этот конфликт в качестве главного в своей жизни и истории.

⁵⁰ Хорватский город, переходивший из рук в руки у воюющих сторон в начале 90-х прошлого столетия

ками и кордонами на входе в контролируемую зону. С другой стороны, ношение оружия и нахождение его в личном автомобиле хорошо видимым или спрятанным в «бардачке», не возбраняется обычным гражданам в полном соответствии с традицией, и, как многие все еще думают, конституцией США.

Достаточно характерный случай был мне рассказан одним из заводских супервайзеров и, кстати, бывшим морпехом, участвовавшим во второй Иракской кампании. Страстный охотник, он – владелец целой коллекции дорогих охотничьих ружей в добавок к серьезному вооружению для индивидуальной защиты от злоумышленников. В частности, он возит на центральном подлокотнике своего новенького пикапа Ф150, знаменитый во всем мире Глок, интересный тем, что его устройство не содержит предохранителя, по принципу действия – «выхватил и стреляй», то есть предохранителя нет, однако выстрел не произойдет без полного нажатия спускового крючка «безопасного действия».

Он кладет заряженный Глок на подлокотник со специально устроенной шероховатой поверхностью, чтобы предотвратить соскальзывание полезного предмета при резких поворотах и остановках. И вот недавно, остановившись на «стопе», что на перекрестке двух деревенских дорог, он обнаружил у левого плеча невесть откуда взявшегося здоровенного чернокожего мужика, вскочившего на подножку каби-

ны. Взмахнув ножом, тот вскричал «Get out!»⁵¹ Бывший морпех, взял свой Глок свободной правой рукой и, направив его в сторону горе-грабителя, сказал «Get in»⁵². Чувака сдуло, и мой Стивен проследовал своей дорогой. Интересен комментарий его брата, местного полицейского, которому этот эпизод был вскорости рассказан: – «надо было тебе его застрелить, закон был на твоей стороне».

Гантаун и впрямь является пригородом (даром, что в 14 минутах езды по скоростной дороге) более крупного образования, под хорошо известным в провинциальной Америке именем Тупело – местом рождения Элвиса! Здесь есть и улица с пешеходной дорожкой длиной в три-четыре квартала, и несколько чистых мотелей. Представлены также все известные ресторанные сети, от «Чарли» и «Логана» до «Аутбак'а» и «Олив Гардена». Здесь проводят свои вечера приезжие специалисты, направленные центральными офисами на помощь местным заводам. Группы коллег за столом обычно – смешанного состава, включают местное техническое и административное руководство, а также, порой, и заезжих визитеров из Европы, представителей компаний – поставщиков оборудования, по преимуществу немецкого. Днем каждый занят деталями своей профессиональной деятельности или деловыми «митингами»⁵³. Вечером же, обильная (избы-

⁵¹ Вылезай из машины

⁵² Залезай в машину

⁵³ Так в Америке называют любое деловое собрание

точная?) еда и серьезные порции пива или алкоголя покрепче, используются в качестве ускорителей контактов, необходимых для откровенной формулировки стартовых позиций в бесконечных, но в то же время результативных переговорах. Так, обычно делается бизнес в Америке.

Зато утро зарезервировано для встреч со своими коллегами, выработки плана на день, стратегии и так далее. Все работники компании от президента до выездного лаборанта, останавливаются в одном и том же мотеле, и, вставая, как правило, до восхода солнца, собираются в зале для стандартного завтрака, состоящего из крутых яиц (часто без скорлупы⁵⁴) в керамической миске, йогурта самых диких цветов и вкусовых добавок и набора сухих корнфлексов в одноразовых картонных коробочках для употребления с холодным молоком, бананов, пересохших апельсинов, безвкусных, как бумага, яблок, и, само собой, кофе из бачков с высоким и низким содержанием кофеина, и молока в термосах. Все это можно стерпеть несколько дней, но в конце концов, кто-нибудь предлагает пойти в соседний ресторан, где кормят столь же приблизительной имитацией завтрака, но другой, например блинами с кукурузным сиропом, хотя можно получить и яичницу. Кофе везде один и тот же, но в «ресторане» его наливает и подливает официант (ка).

В тот раз нас было пятеро: группа коллег из исследова-

⁵⁴ Для этой дикости даже приводят объяснение, мол скорлупу оставляют курам в качестве источника кальция

тельского центра включала дипломированного физика моих лет, занимающегося программным управлением, и трех моих бывших студентов, а теперь младших инженеров с прекрасным знанием необходимой математики и программирования, а также способных спроектировать и собрать на месте экспериментальную установку или организовать осмысленную программу экспериментов вдоль всей производственной линии. К столу подошла стройная девушка с милостивым лицом и, в то же время, с очевидными отличительными признаками ее принадлежности к так называемому «white trash», то есть субкультуре людей бедных и малоразвитых даже в эгалитарном американском контексте. Тут и ее пересыпанная междометиями, и проглоченными окончаниями речь с сильно выраженным «южным» произношением, и ее сплошная серо-зеленая татуировка от ключицы до пальцев на одной из голых до плеча рук – в общем типичная подавальщица в «дайнере» принесла кувшин кофе в ожидании заказа. С первого же обмена словами, ей стало ясно, что мы иностранцы, включая коренных канадцев (троих из нас) и последовал вопрос «where are you guys from?»⁵⁵, что считается вежливым проявлением интереса. Йовица, о котором прежде уже шла речь, по-видимому, решив не смущать ее своим сложным югославским происхождением, назвал себя немцем, на что девушка, оживившись, залопотала, – «О, я тоже отчасти немка и, как мне говорили, нахожусь в родстве

⁵⁵ «откуда вы, ребята?»

с какой-то знаменитостью. Моя фамилия – Дитрих». Я на какое-то время онемел и принялся ее разглядывать, стараясь угадать знакомые черты, а мои коллеги продолжили, как ни в чем не бывало, заказывать завтрак.

Тут настиг меня второй шок: ни один из них, включая пожилого физика, не знал, кто такая Марлена Дитрих! Напрасно я им показывал кадры из «Голубого Ангела» на экранчике Айфона и порывался расспросить виновницу моего восторга о ее родственных связях. Она ничего не знала и, возможно, была даже раздосадована моим приставанием, а один из молодых моих спутников вполголоса заметил, что лучше оставить ее в покое, а то ее бой-фрэнд может запросто решить меня застрелить (смотри выше).

Хочу сразу оговориться, что за все время моих визитов в

разное время года и на разные интервалы времени, мне лично не встретилось ни одного случая откровенной агрессии между людьми на улице или, даже вечером в заполненных пьющей публикой ресторанах, хотя однажды, когда один из столичных визитеров из нашей компании попытался перебивать своими дурацкими выкриками местное ток-шоу, хозяин подошел к столу и попросил его удалиться во избежание неприятностей. В итоге всей нашей группе пришлось сняться с места и перейти в соседнее заведение, так как директор завода, пригласивший нас вместе поужинать, счел поведение хозяина недостаточно уважительным. Все происходило без каких-либо искаженных гневом лиц и угрожающего бормотания себе под нос...

Как-то мне попала на глаза заметка о том, что неандертальцы, будучи то ли предками, то ли ответвлением человекообразных на пути к нашей разновидности, не исчезли бесследно с лица земли, уступив место «сапиенсам», а ухитрились, с одной стороны научить их выживанию в холодном климате после теплой Африки, а, с другой даже добавить им своих генов через межвидовые «браки», да так, что у большинства людей на земле есть гены от неандертальцев. Причем доля этих генов (разная в разных местах на Земле) оказалась повышенной у белого населения штата Миссисипи⁵⁶.

⁵⁶ Если допустить, что это правда, необходимо заметить, что это отклонение относится только к белокожей части населения, так как неандертальцы, похоже, никогда не жили в Африке.

То-то раздолье тем, кто верит в Йети⁵⁷, все еще бродящего по непроходимым чащам национальных парков. Думайте, что хотите, но я таки встретил настоящего неандертальца, работающего завлабом на заводе в Гантауне. Он, как и описывается в околону научной литературе – мужик с большой головой, глухим, как из бочки, голосом и добродушным (скорее меланхолическим) нравом. Наибольшим для меня доказательством явилось описание того, как он ловит сомов в прудах, выкопанных для их разведения во многих южных штатах. Мой друг опускает руку в пруд, сомик подходящего размера просто заглатывает его здоровенную кисть и, благодаря своим остреньким, но мелким зубкам удерживается на руке пока его тащат из воды. Все это, конечно, шутка, не верю я ни в существование Йети, ни в неандертальскую «национальность» мистера Роднея Холловела, но уж очень велик соблазн приписать этим местам и людям мистический смысл, как символ, если хотите, моего недостаточного понимания Америки, что, впрочем, не мешает мне ею восхищаться и описывать какие-то крохи на ее поверхности. Кстати, вкуснее жареной рыбки, чем эта, вы не едали! Причем не всякий сом, конечно, хорош, а только свежавытащенный и поджаренный на свежем⁵⁸ кукурузном масле, как, например

⁵⁷ Обросший шерстью гигант, бродящий сквозь чащи и оставляющий огромные человекоподобные следы на выпавшем снегу.

⁵⁸ Эта деталь подчеркнута, следуя примеру Гиляровского, описавшего свежие жареные пирожки в булочной Филиппова

по пятницам на бензозаправочной станции в Гантауне, владелец которой держит в двух шагах от нее водоем для разведения сомов.

В других местах, особенно в городах побольше, тот же сом проходит стадии панировки, заморозки, разморозки и разогрева в микроволновке, после которых его может есть только «настоящий» американец, то есть человек, унаследовавший от суровых английских, шотландских или немецких⁵⁹ пред-

⁵⁹ Те же черты можно уловить при посещении стран исхода, где даже осевшие в них после второй мировой итальянцы редко кормят чем-то удобоваримым за доступную цену.

ков неприхотливость в еде и вообще неблагоприятным для выживания бытовым условиям, сделав исключение для кондиционера, который обычно включают на полную мощность, так что в комнате или офисе приходится с непривычки тепло одеваться в середине безумно жаркого лета.

Мне пару раз приходилось заниматься специальными измерениями (в основном, чтобы подстраховать моих молодых коллег) на крыше работающего реактора при температурах выше 45 градусов Цельсия. Для того чтобы выдержать эту температуру, обычно надевается специальный жилет с замороженными вставками, которые, размораживаясь в течение примерно двадцати минут, охлаждают находящиеся под ними легкие, а через них и циркулирующую по телу кровь, что позволяет не только выжить, но и сделать что-то полезное в этот короткий интервал времени. Итак, выйдя из кондиционированного конференц-зала, где практически весь день сидели заводские инженеры, и готовые забраться на крышу реактора, мы ни сном ни духом не знали о существовании таких жилетов, и только работяга, сидевший перед пультом управления в своей кондиционированной камерке, предложил нам ими воспользоваться. Что это было – неприязнь со стороны местной «интеллигенции» к столичным визитерам, равнодушие к судьбе ближнего, или своеобразная деликатность, обычай не вмешиваться в чужие дела без прямой просьбы, не берусь судить. В этой стране, где бродят призраки когда-то обитавших здесь бизонов и индейцев, где чере-

дой проходят большие и малые ураганы / торнадо, способные в секунду сорвать крышу с заводского здания, где пистолеты без предохранителя на подлокотнике водительского кресла в любое время готовы к действию, поневоле смотришь на жизнь фаталистически...

Стена завода снаружи и его крыша после урагана

Nacogdoches etc, TX

Техас – единственный штат, где мне доводилось водить со скоростью в 100 миль в час⁶⁰, причем по обыкновенной дороге и сравнительно легкий внедорожник. Быстрее я ездил

⁶⁰ 156 км/час

только в Германии, но не слишком часто, так как больших расстояний мне там покрывать почти не пришлось. Ну, во-первых, Техас везде, за исключением отдельных районов на границе с Мексикой да пары небольших возвышенностей – плоский, как стол, так что там естественно строить прямые дороги с неглубоким кюветом. Во-вторых, Техас очень большой и его более-менее крупные населенные пункты связывают, как-правило, двухрядные дороги, и в случае затора на дороге приходится стоять часами, поэтому едешь, пока получается, как можно быстрее и как можно дальше. В-третьих, полиция в Техасе, по моему опыту менее склонна останавливать за превышение скорости, чем в соседних штатах, например, в Алабаме. Вышесказанное не относится к окрестностям городов-гигантов, Далласа и Хьюстона, но там я и не пытался сознательно превышать разрешенный предел скорости. Кстати, этот предел весьма либерален по сравнению с остальными местами при аж 85 милях в час⁶¹ на одной из основных дорог.

Америка, расселившаяся по всему континенту с Юга на Север и с Востока на Запад, предлагает ездить и летать из конца в конец регулярно или хотя бы периодически по делу или для посещения близких, так как привязанность к какому-либо месту в случае выбора работы или учебы, у обычных граждан проблем не создает. Но это касается людей с

⁶¹ 122 км/час

интересом делать карьеру. Остальные же, в таких местах, как Техас, находят себе применение на месте. Здесь люди живут независимым образом, если нет денег на мясо/рыбу – охотятся, удят, держат лошадь не для работы, а чтобы на ней скакать вместо того, чтобы смотреть телевизор. И хотя на этой огромной территории⁶², насколько я понимаю, вся земля кому-нибудь да принадлежит, места хватает всем. Белые и черные (последних привезли в качестве невольников работать на хлопковых полях) американцы поселились здесь всего около 200 лет назад, так что связи с почвой, как в других частях восточной части Америки, у техасцев нет. Недаром, лозунгом техасцев, упоминаемым с частотой рекламного послания, стало высказывание Джона Стейнбека: «Техас – это образ мыслей... тем не менее, Техас – страна в полном смысле этого слова». На мой взгляд, здесь наблюдается удивительная гибкость людской психики, которая предоставляет человеку возможность почувствовать свою принадлежность к группе любым, даже весьма эфемерным способом. Честно говоря, мне данный тип единства симпатичнее, чем традиционный, в котором у людей, живущих на одной скудной территории бок о бок с конкурирующей группой⁶³, возникает деление на наших и не наших даже в пределах од-

⁶² Еще лет 10 назад, я где-то прочитал, что все население земли можно разместить в одноэтажных домах на территории, занимаемой Техасом. Но население растет как на дрожжах... если ковид не остановит.

⁶³ Претендующей на те же природные богатства или даже на общую систему государственной помощи

ного села, если не одного дома⁶⁴.

Несмотря на весьма краткую историю Техаса, как штата перед началом гражданской войны (каких-нибудь 20 лет), свободное население почти единодушно присоединилось к Конфедерации Южных Штатов, с самого начала видя в этом шанс защитить право на рабовладельческий уклад жизни. С поражением южан экономика, основанная на торговле хлопком «сдулась», и масса освобожденных черных граждан уехала искать себе доли в другом месте, потому что оставшиеся ковбойские хозяйства (разведение крупного рогатого скота) и только что открытые нефтяные запасы не требовали большого количества рабочей силы. Что же касается земледелия, то в Западной части, поближе к Далласу, огромные орошаемые поля часами тянутся вдоль скоростных дорог практически без единой живой души на них в знойный день.

⁶⁴ Мне рассказывали, что израильские граждане палестинского происхождения, указывали нападавшим погромщикам на квартиры живущих в том же многоэтажном доме евреев во время последних стычек и погромов на улицах Яффо и Лода.

Предприятия, которые мне по долгу службы приходилось посещать, расположены в заросшем густыми, в основном хвойными лесами, районе Техаса вдоль богатой водой границы с Луизианой. Таким образом зеленый цвет вдоль скоростных дорог никогда не исчезает совсем, и только весной, густое цветение японского плюща-паразита, кудзу⁶⁵ расцветивает обочину лилово-розовым.

В этих местах я, наконец, столкнулся нос к носу с настоящим торнадо, но не днем, как показывают в документальных кадрах, а ночью, когда его очертания видны были только благодаря огненной сердцевине, состоявшей из практически непрерывных разрядов молний, не выходявших за пределы вертикального цилиндра, диаметром в несколько мет-

⁶⁵ Лиана, обвивающая взрослое дерево так, что собственной листвы (или хвои) последнего и не видно. Дерево, как правило засыхает на корню

ров. Этот огненный столп, перемещался вдоль края леса со скоростью 25 миль в час, судя по скорости моего пикапа, едущего в колонне автомашин параллельным курсом по «скоростной дороге» заливаемой потоками дождя, который впервые в моей сознательной жизни выглядел и ощущался «как из ведра». Я ехал в город Накогдочес из аэропорта Хьюстона.

Приземлившись за час до этого в летний, безветренный и поэтому душный вечер, я почему-то взял в аренду не обычный автомобиль, а так называемый «трак», по-нашему пикап, но со всеми удобствами хорошей легковой машины. Радио играло типичный для этих мест непрерывный⁶⁶ монолог консервативного диктора, которых много вещает во всех южных штатах. Их королем до недавнего времени по праву являлся покойный Раш Лимбо – защитник американской конституции и ее существенных для повседневной жизни американца-южанина, 1й, 2й и 5й поправок к конституции, от посягательств адептов социалистического образа мыслей из так называемых «голубых» штатов. «Цветное» прилагательное относится к голубому цвету-символу демократической партии, а не к сексуальной преференции обитателей тех штатов, хотя последние 20 лет эти две характеристики стали заметно сливаться в сознании многих американцев.

Темнота наступила внезапно, с ней раздалась сирена из включенного радио, прервав передачу, а экран на приборной доске засиял ярко-красными буквами – предупреждением о

⁶⁶ С перерывами на рекламу, конечно

близком торнадо. Взглянув налево, я его увидел, и подумал, что даже моя тяжелая полуторка, запросто взлетит в воздух при столкновении с ним. Но машины впереди и сзади моей, так же продолжали свой бег, только снизив скорость из-за потоков воды на дороге, делающих быструю езду похожей на скольжение по льду.

Так продолжалось минут тридцать, а потом я приехал в заказанный мотель на краю городка. Ночной дежурный, вежливо поинтересовавшись, не видел ли я торнадо, двигавшееся в том же направлении, не стал слушать моего восторжен-

ного ответа, потому что, как я потом понял, его воображение было занято еще более замечательным небесным событием, произошедшим всего неделю назад – взрывом и дезинтеграцией космического корабля при входе в атмосферу над городом Накогдочес!⁶⁷ Мой собеседник заметил, что из 3000 федеральных агентов, приехавших в город собирать осколки, ни одного свободного места в мотелях не было еще предыдущей ночью.

А утром на являвшемся целью моего путешествия заводе, на крышу которого неделю назад тоже упали небольшие куски развалившегося в воздухе корабля, уже никто не вспоминал об этом. Да, тexasцы немногословны, как финны⁶⁸ в русских анекдотах. Их манера разговаривать, которую со знанием дела переняли голливудские звезды от Клинта⁶⁹ до Брэда Пита, задает неспешный ритм всему общению, поддерживая атмосферу взаимного уважения, независимо от того, что собеседники на самом деле думают друг о друге. Ковбойские фильмы используют ту же манеру говорить для других целей, а именно, предоставить участникам шанс обдумать последствия их высказываний в ситуации, когда выхва-

⁶⁷ On February 1, 2003, the space shuttle Columbia breaks up while entering the atmosphere over Texas, killing all seven crew members on board (Wicki)

⁶⁸ Не знаю, как ты, мой читатель, но за финнами я не заметил словесной скудости, когда им предоставляется возможность выпить и «поговорить по душам», особенно если попасть на болевую точку их традиционной неприязни к соседним шведам, тогда держись...

⁶⁹ Клинт Иствуд, великий актер, командор Ордена Почетного Легиона

тить револьвер и нажать на спусковой крючок занимает всего долю секунды. Насколько этот жанр отражает реальность, мне, практически не бывавшему в ситуациях открытого конфликта, судить трудно. Скажу лишь, что читал где-то, по-видимому, окрашенный ксенофобией анализ «ковбойского» жанра в свете опыта его создателей и промоутеров, которые, как правило, были еврейскими иммигрантами из приграничных районов Российской империи, перенесшими свои впечатления от местечковых погромов на благодатно девственную почву потребителей американской кинопродукции.

В этих местах меня не покидало ощущение, что вместо Американской общности, которую дважды иностранец вроде меня⁷⁰ легко замечает и в довольно развязной манере поведения, и в неожиданной толерантности к чужому мнению, в Техасе существует какая-то своя общность, заключенная в ярко выраженном чувстве собственного достоинства и своеобразном использовании юмора для прикрытия нехватки знаний (часто невежества) в деловом разговоре. Со временем другая особенность вышла для меня на первый план – удивительное разнообразие легко угадываемых этнических истоков техасцев: немцы и индейцы, ирландцы и русские, которые проявляются в знакомых стереотипах поведения, и даже во внешности. Так двоих заводских механиков я сразу отличил и запомнил, как сошедших со старинных фотографий Ивана Бунина и Великого Князя Николая Николаевича.

⁷⁰ Канадец, приехавший из СССР

Звали их, разумеется, на местный манер Дарреллом Брутоном и Ли Браннаном. Как и в других городках Южных Штатов, здесь можно услышать периодические ссылки на былое процветание этих мест, и, в частности, на то, что здесь, мол жили десятки тысяч выходцев из индустриальной Европы, которые и были основной причиной успешных промышленности и торговли. В городе работали церкви всех конфессий и синагоги, и даже сейчас некоторые рассказчики с видимым удовольствием упоминают свое предполагаемое еврейское происхождение, от первых поселенцев времен экономического бума в середине XIX века. Это полу мифическое благоденствие теперь – в далеком прошлом, надолго переместившись в Северные Штаты вскоре после разгрома мятежных южан с сопутствующей волной разрушений и уничтожения местной элиты.

Но, как я выяснил из разговоров с местными жителями и кое-какого чтения, упадок Юга имел и другие причины. Интересна история Джефферсона, городка со старинными зданиями бывшего банка, двухэтажного почтового офиса и пары отелей XIX века, в которых теперь помещаются магазинчики для сувениров и ресторанчики с незамысловатой, но хорошей местной кухней. Волею судеб Джефферсон, где все еще стоят памятники времен Гражданской войны теперь – городок с населением от силы в 3000 человек, а был он в веке XIX одним из коммерческих центров Южных штатов с населением в 100 и более тысяч. Дело в том, что в те времена

Джефферсон стоял на берегу судоходной реки, а затем, уже через двадцать лет после окончания Гражданской войны, река буквально исчезла. Это произошло в результате затеянных государственными структурами улучшений русла вниз по течению, в результате которых, неожиданно для авторов проекта, река обмелела и переместилась миль на двадцать к югу, превратившись в водоем для рыболовов и любителей поглазеть на аллигаторов в их натуральной среде обитания, где деревья живописно образуют так называемые «мангровые заросли» опираясь на могучие сплетения корней, торчащих прямо из воды.

Таким образом промышленность и прогресс ушли отсюда из-за потери необходимых во все времена транспортных средств. Случай не уникальный в известной нам истории. Так погиб процветавший еще во времена походов Александра Македонского Эфес⁷¹, так же закатилась относительно недолгая история Равенны в качестве столицы Западной

⁷¹ Того самого, где Герострат поджег храм Дианы

Римской Империи – в обоих случаях несчастья, принесенные не прекращавшимися войнами за передел мира были усилены природными катастрофами отступившей границы воды⁷².

Теоретически экономику Джефферсона еще можно было спасти воспользовавшись железной дорогой, а затем и автомобильными шоссе, проложенными через всю страну в последующие десятилетия, но отставание, начавшееся с окончанием войны, могло только увеличиваться из-за ультра-подвижной экономической географии Соединенных Штатов, где число открывавшихся возможностей (благодаря, на мой взгляд, небольшому по сравнению с европейскими странами, государственному контролю над инициативой частных лиц) до недавнего времени намного опережало число людей, имевших талант и средства, чтобы эти возможности использовать. Остается лишь печально развести руками: – «Умершумер, лишь бы был здоров!»

Отток населения происходил вплоть до первой половины XX века, зато теперь происходит обратная миграция квалифицированных молодых людей, благодаря новым экономическим возможностям – умеренным налогам и атмосфере свободного предпринимательства, поддерживаемой в Техасе ее гражданами, вопреки их политическим антиподам, при-

⁷² Эфес и Равенна не справились с природным заполнением дельты реки песком и оказались слишком удалены от морского берега для того, чтобы поддерживать интенсивные торговые связи

шедшим к власти в Вашингтоне

Но прежде, чем стать краем ковбоев, рабовладельцев и, наконец, производителей «черного золота», Техас в его южном окончании, образующим берег Мексиканского Залива служил пристанищем пиратов и коммерческих мореплавателей, авантюристов и солдат сразу нескольких государств: французов, англичан и испанцев, и главным выходом к морю стал укрепленный порт, а ныне маленький курортный городок Галвестон, оказавшийся фактически дачным пригородом г. Хьюстона, куда я и направил стопы с тем, чтобы там провести остаток недели перед полетом домой. Это довольно типичный приморский городишко, каких много рассыпано вдоль берегов Атлантического и Тихого океанов, с длинными и широкими полосами песка и не ограниченной частной собственностью, свободным подходом к воде, как принято в Соединенных Штатах.

Так даже в Нэйплес, весьма дорогом и богатом городе на берегу Тихого океана, где выстроившиеся вдоль водной границы дома, это буквально перенесенные сюда итальянские виллы, их владельцы не имеют права перекрыть подход к воде, и песчаная полоска берега принадлежит всем желающим.

Бродя по пляжу перед обедом, я заметил, что в море почти нет купальщиков, несмотря на жаркое солнце над головой, а полоса песка шириной метра в два между краем воды и остальным пляжем – другого, коричневатого оттенка. Морские водоросли, которые мягкий прибой оставлял на песке, перед тем как сморщиться и засохнуть, радовали глаз радужной окраской – ба, да это же тончайшая пленка нефти, дошедшей сюда от едва различимых на горизонте нефтедобывающих платформ!⁷³ Впрочем, нормальные курортники в Америке, как правило, предпочитают купание в бассейнах.

Разобравшись с купанием и едой с мексиканским колори-

⁷³ Теперь, как я узнал, действующие платформы переместились за край горизонта, а несколько оставшихся служат причалом для ловцов океанской рыбы

том в приморском кафе, я пошел бродить по горячему асфальту под сенью пальм, кедров, олеандров, и невероятно раскидистых «живых дубов» («live oaks»), как их здесь называют. Я застал их, на свое счастье, перед тем как значительная часть их была разнесена в щепки налетевшим ураганом 2008 года.

Заходя периодически в расставленные вдоль дороги магазины сувениров и другой пластмассовой продукции для отдыхающих (в основном – их детей), я окунался в морозную атмосферу, создаваемую мощными кондиционерами с тем, чтобы, получив свою порцию зимы, вернуться в закатное, но все еще такое горячее лето! Я думал о том, что при всем моем интересе к Америке, и американцам: коллегам, и так, знакомым, мой опыт общения вне работы и рабочих проблем, оказался весьма мал, даже в случае многолетних приятельских отношений. Здесь нужно сказать, что американский этикет требует начинать разговор «за жизнь», с футбола-бейсбола-баскетбола на локальном, штатном или национальном уровне, с канадцем же, вроде меня, конечно, заговаривают о хоккее, а я, как назло, был на хоккее один раз в своей жизни и даже не помню кто играл и какой был счет. Да мало ли у них интересов: гонки автомашин, охота, рыбалка, семейные праздники, улучшение и увеличение дома, участие в местной благотворительности, короче все, чем может заниматься не слишком пьющий человек среднего достатка. И все же...

Но тут быстро стемнело, и улицы оживились за счет вылезших из-под кондиционеров отдыхающих или служащих. Уличных фонарей было почти не видно из-за густой листвы над головой, их заменял свет вывесок и витрин. Пора было подумать о тexasском стэйке и напитке «олд фашион», к которому меня приобщили по соседству в Атланте. Этот, по-моему, достаточно крепкий напиток, основанный на виски с пряностями, превосходно сочетается с ледяной водой – непременно спутником любого публичного принятия пищи и даже без нее.

Бар под названием «23-d Street Station», оказался оазисом, вернувшем меня к жизни с помощью еды и питья в добавок к оживленной и не слишком шумной импровизации на фортепиано в дальнем от меня углу этого помещения, с низкими потолками, белоснежными стенами и парой формально одетых официантов с черными бабочками. Мой оказался темнокожим молодым человеком с тонкими чертами лица и внимательным взглядом миндалевидных глаз. В его речи отсутствовали южный акцент (southern drawl) и типично тexasские словосочетания, и, после некоторого обмена словами касаясь заказа, я решился спросить его, откуда он. Он оказался моим соотечественником из Восточной Канады, студентом театрального факультета, подрядившимся на три месяца каникул играть в поддерживаемом муниципалитетом Галвестона театре под открытым небом, которых столько появляется по всей Америке и Канаде на летний

сезон: «Shakespeare in the Park». Играл он не Отелло, как можно было предположить, а загадочного принца Просперо в «Буре».

Напоследок скажу лишь: Америка – для американцев, и при всей их простоте и безыскусственности поведения, иностранцу туда лучше ездить в компании, чтобы хоть иногда было с кем слово сказать о знакомых тебе предметах жизни, поделиться наблюдениями и облегченно вздохнуть при пересечении границы на обратном пути в машине, в автобусе, в поезде или на самолете...

ЭПИЛОГ: американцы глазами русского канадца

Когда я приехал в Канаду, одна из первых, услышанных мною шуток была о том, как определить разницу между канадцами и американцами? – «если сказать канадцу и американцу, что между ними нет никакой разницы, тот, кто обидится – канадец». Иными словами, канадцы считали себя... более передовыми, что ли? Но я особых отличий не видел в течение многих лет.

Время моего появления в Северной Америке было эпохой открытых границ, улыбающихся прохожих, дешевого бензина, и довольно однородного по составу и поведению населения, то есть еще до того, как в результате объявленной правительством политики мультикультурализма в Канаде внезапно возникли воинственно обособленные религиозные общины иммигрантов, например людей, приехавших из Индии

и Ближнего Востока. О Штатах мне труднее судить, но, похоже было, что в ту эпоху изначальные достижения десегрегации, опираясь на идеологию Мартина-Лютера Кинга, создали ощущение единения с темнокожими братьями, и как я тогда увидел, произвели на свет массу смешанных пар: то есть, пока в Канаде сходились друг с другом ирландцы и поляки, в Америке жили вместе белые и черные, ставшие впоследствии называться афроамериканцами. Окружала меня тогда университетская публика: аспиранты, пост-доки, новоиспечённые профессора, люди, несказанно меня удивившие своими лево либеральными взглядами. Они были сторонниками социалистических идеалов, покуривали марихуану, и даже запекали ее в пироги. Уйдя, через пару лет работать в промышленность, я столкнулся с более значительным социально-имущественным разделением, и близким моему сердцу идеологическим сдвигом вправо по обе стороны границы длиною в континент. Но большой разницы между знакомыми мне жителями двух стран не ощущал. В то время мой американский опыт не простирался дальше поездок в Бостон или Нью-Джерси, в шести-семи часах в автомобиле на юг от Монреаля.

Даже постепенно разверзающаяся пропасть между прогрессистами и консерваторами и, не зависящее от нее, всегда существовавшее фундаментальное разделение на два этнокультурных типа: англо- и франко-канадцы у нас – янки (так здесь называют жителей северных, индустриальных

штатов) и южане у них, были, в принципе, похожи. И все же, Канада еще обладала почти незаметным привкусом Европы: как-то: смиренное отношение населения Канады к повышающимся налогам, иерархическая школа менеджмента (наследие колониальной зависимости от Великобритании в недавнем прошлом), коррупция в строительном бизнесе (мафия в ее классическом исполнении), и раздутые штаты государственного сектора, шли рука об руку с более традиционным школьным образованием, формально бесплатным медицинским обслуживанием, пешеходами на улицах и отсутствием в Канаде крайне опасных районов, где автомобилистам не рекомендуется останавливаться на красный свет – все это накладывало свой отпечаток и изменяло контекст повседневной жизни и неделовых разговоров. Об этих отличиях между Канадой и ее южным соседом задумываешься лишь по пересечении границы США, испытывая любопытство к такой близкой, но, для опытного глаза все же чужой, жизни. Последнее обстоятельство, возможно, и послужило одним из главных стимулов к написанию этого сборника.

Об авторе

Надеждин Александр Данилович, родился в Киеве, окончил школу в Донецке, затем окончил МФТИ и защитил кандидатскую в Институте Химической Физики АН СССР. В 1977 уехал в Канаду, где проработал в академической и прикладной науке 40 лет, а выйдя на пенсию, начал всерьез пи-

сать эссе по-русски. Его интересуют антропологические аспекты сходства и различия между культурами разных народов и судьба европейской цивилизации в современном мире. Кроме литературы увлекается рисованием пейзажей в псевдореалистической манере.